

ЛЕГЕНДЫ ХОРРОРА

18+

ДЖОН СТИКЛИ
ВАМПИРЫ

Легенды хоррора

Джон Стикли

Вампиры

«Издательство АСТ»

1990

УДК 821.111
ББК 84(7Coe)

Стики Д.

Вампиры / Д. Стики — «Издательство АСТ», 1990 — (Легенды хоррора)

ISBN 978-5-17-144701-4

Охота на вампиров – занятие рискованное, ведь они живучие, умные и опасные монстры, убить которых очень непросто. Потому им не занимаются исключительно ради денег. Кто-то делает это ради удовольствия, а кто-то из чувства долга. И никто не выполняет подобную работу лучше Джека Ворона и его команды. Они странствуют по пыльным дорогам на юге Америки, их презирают и боятся местные жители. Охотники знают, что Бог существует, только целей его не понимают. И на последнем задании делают страшную ошибку, фатально недооценив противника. Практически весь отряд Джека погибает. Теперь выжившим придется выработать новую стратегию, ведь они понимают, что столкнулись с чем-то куда страшнее обычных вампиров. А еще им нужно найти новых охотников, вот только какой безумец захочет добровольно пойти на верную смерть?

УДК 821.111

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-144701-4

© Стики Д., 1990
© Издательство АСТ, 1990

Содержание

Часть первая. «Вампиры Инкорпорэйтед»	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Первая интерлюдия	18
Глава 4	22
Глава 5	34
Глава 6	41
Глава 7	43
Интерлюдия 2. Феликс	45
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Джон Стики Вампиры

John Steakley
VAMPIRE\$

© 1990 by John Steakley

All rights reserved.

© Дмитрий Могилевцев, перевод, 2022

© Сергей Неживясов, иллюстрация, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Часть первая. «Вампиры Инкорпорэйтед»

Глава 1

Когда Ворон с командой явился на работу, поглазеть собрались все местные сливки: полицейские, чиновники. Даже мэр и школьный совет. Ну, чему тут удивляться? Такой уж городишко, захолустье Индианы.

И жара стояла удушливая, пыльная, захолустная. Толпа отпрянула от облаков пыли, поднятых джипами на просёлке, засыпанном молочно-белым гравием. Люди кашляли, прижимали к лицам носовые платки. Грохочущие автомобили объехали зевак и выстроились у особняка.

Моторы всех пяти заглохли одновременно. Из первого джипа шагнул наружу Джек Ворон – шесть футов два дюйма мышц, решимости и злости. Он посмотрел на цель, а когда обернулся, увидел местное начальство. Они собрались кружком, будто хотели погреться от него, Джека Ворона.

Впрочем, так оно и было.

Он благостно улыбнулся им, пожал руку нервничающему мэру, посмотрел на часы. Ровно полдень – и сто пять выше нуля.

Время убивать.

Через десять минут они взорвали южное крыло. Заряд на балконе третьего этажа вогнал крыло в землю будто огромный кулак. Поднялись облака пыли и дыма. Охотники ждали. Вскоре сквозь пыль пробилось солнце. На обломки побольше полетели крючья. Зацепленные куски оттащивали веревками.

Городская публика терпеливо ожидала, кривилась, когда крюки скрежетали по металлу, смотрела на то, как готовятся к бою машины, как из фургонов вылезают пятеро с восьмифутовыми пиками и стоят на изготовку. Но больше всего толпа глазела на Ворона.

Наверное, потому они и не подпрыгнули больше чем на фут, когда развалины зашевелились сами по себе.

– Босс! – заорал белобрысый парнишка по прозвищу Кот из своего «вороньего гнезда» – садового кресла, взгроможденного на фургон. – Мне кажется, у нас есть один.

Парнишка встал, приставил козырьком ладонь ко лбу и указал рукой.

– Вон там, в конце.

– Отлично, – спокойно заметил Ворон и скомандовал: – Рок-н-ролл, парни!

Команда заняла позиции, оцепила место настолько плотно, насколько позволяли руины. Ребята вытащили из задних карманов и натянули длинные, вроде женских вечерних, перчатки. На них блестела стальная сетка. Городские сбились плотнее.

Из кольца своих парней вышел Ворон с широким, прицепленным к тросу крюком в огромной лапе и воткнул его глубоко в обломок карниза, нависший над шевелящимся местом. Затем вернулся к своим и поднял левую руку. В нее сунули арбалет размером с детские качели.

Все застыли.

Началось почти сразу же после того, как Джек подал сигнал и кран натянул трос. Обломок едва наклонился, и тут выскочил первый ублюдок, шипящий и дымящийся, корчащийся под солнцем, визжащий, будто гарпия, тычущий черными когтями, скалящий мертвые серые клыки.

Ворон выстрелил. Стрела размером с бейсбольную битку пробила грудь и хребет и на восемь дюймов вошла в карниз. Горящая тварь выплюнула комок ядовитой черной слизи, затряслась, завывала, заорала, отчаянно, бешено заскребла древко, но раскрывшиеся шипы прочно держали кол в твари.

Солнце и дерево убивали ублюдка, стирали его существование из мира людей и ярких жарких дней захолустья Индианы.

– А ведь странно оно, – обронил Кот после нескольких секунд тяжелого общего молчания.

Мэр повернулся к старшему городскому советнику и хихикнул. Тот захихикал в ответ. Вскоре все местные залились хохотом. Наверное, их отпускало напряжение, ужас прошедших месяцев. Но приезжие не смеялись. Команда молчала. Кот с высоты кресла смотрел на местных с откровенным презрением, а Ворон глянул на них так, что те в момент побледнели и заткнулись.

Когда тишина продлилась пять невыносимо долгих секунд, Джек Ворон сказал:

– Вожак не должен вылезать первым. Обычно он посылает вперед всех прочих.

– Как, – заговорил мэр, но не смог продолжить, сбился голос.

Он прокашлялся, стараясь прочистить внезапно пересохшее горло.

– ...Как вы узнали, что это вожак?

Джек закурил, потупился:

– ...Со временем, знаете, хорошо видно, вожак или нет.

Джек постоял еще немного и наконец впервые по-настоящему внимательно посмотрел на собравшихся – не как на безликих «местных», а как на людей.

Их расплющило. Ужас, горе потерь, и ощущение полнейшей, отчаянной беспомощности.

Расплющило.

А дальше будет еще хуже.

«И что ж вы, почтенная публика, собираетесь делать дальше, когда всё закончится? – подумал Джек. – Когда весь город увидит, какие же вы беспомощные жалкие трусы, а вы сами ощутите, что ваше мужество втоптали в пыль? Попытайтесь учинить то же, что и остальные? Захотите выместить на нас? Обмануть нас и показать, что и у вас осталась толика мужества?.. А ведь будет еще хуже. Первый – это только первый».

– Порядок! – гаркнул Джек и хлопнул в ладоши. – Покатили дальше. Рок-н-ролл, парни!

И они покатили. И дальше было хуже. Второй оказалась визжащая тварь, лютая и жутко проворная. Когда ее проткнуло и пригвоздило стрелой, фонтаном ударила черная кровавая слизь, а тварь еще долгие секунды не хотела подышать даже после того, как пробили пикой череп.

Мерзость, черный кошмар, грязь и ужас среди бела дня.

Эту женщину все горожане знали уже сорок лет.

После учительницы из развалин вылезли местный почтальон, королева школьного бала и ее жених-футболист, а потом несчастная студентка, которой необратимо не повезло проколоть шину на длинном темном проселке, лишь казавшемся пустым и безлюдным.

Обычный набор. Но неладно с пропорциями.

Через полтора часа после упокоения последней твари Энтони просмотрел записи Кота и заключил:

– Девять, включая вожака. Но только три мужика. Эй, босс. Они там были заняты, уж точно.

Ворон взял планшет с записью, взглянул и лаконично отрезал: «Нет».

Оба посмотрели в сторону приближающегося джипа. Вернулся Кот с командой могильщиков. Они выгрузили пустые канистры из-под коагулянта и забросили их в фургон.

Подошел местный.

– Думаешь, где-нибудь другое логово? – поразмыслив, спросил Энтони.

Бычьи шеи, широченные плечи – и такой понурый, весь будто выжатая тряпка. Джек подумал, что после пятичасовой бойни Энтони выглядит скверно – и это, наверное, к лучшему.

– Нет. То бишь я никогда не слышал, чтобы мужиков держали порознь. Во всяком случае, новичкам необходимо быть поближе к жожаку.

– Тогда как оно получилось, что...

– Черт возьми, Энтони! Я не знаю, отчего они не появились раньше. Может, чем-то были заняты?

– Интересно, чем именно?

Ворон вздохнул. К нему всегда приставали с такими вопросами. Он был самый опытный ветеран, уже три года в деле. Наверное, самая длинная в мире карьера в этом занятии. Но с чего им взбрело в головы, что он знает хоть полхрена про вампиров? Да никто про них ни хрена и ни о чем. Чтобы узнать, надо долго прожить. Наблюдать, замечать. А кто тут долго живет? Достали, право слово. Глядят будто на ходячий справочник. Да какое у них право...

Джек вовремя придавил злость, глубоко вздохнул, снова посмотрел на Энтони. Когда того подхватила Команда, он был вполне себе профи, внешний полузащитник в «Сиэтл сикхс» – и человек с острым проницательным умом, храбрый, безоговорочно лояльный. Уж он точно заслуживает ответа от того, кто объявил себя вождем и командиром.

– Энтони, прости. Я просто не знаю, – честно ответил Джек.

Ворон скомандовал пикинерам расслабиться, саперам – забить последние заряды глубоко в обломки, и пошел переговорить с Котом, оживленно общавшимся с местными. Рядом местный падре, отец Эрнандес, благословлял в последний путь девять кучек пепла. Ворон не без труда подавил раздражение при виде нелепо семенящего священника. «Святоши, мать их!»

– ...Мы это называем «соком Джоплина», потому что придумал это для нас Карл Джоплин, – объяснял Кот мэру и типу с ним, чьего имени Ворон не помнил. – Тогда им трудней выбраться наружу. Им и так трудно выбираться, знаете, а в особенности открыть чертов гроб. Вы вспомните...

– Эй, Вишневый Кот! – заорал Ворон, которого вконец достала местная глупость.

Чертовы жители захолустья еще два часа назад были перепуганы до немоты, а теперь с деланным интересом, эдак снисходительно и вежливо расспрашивают. Конечно, Ворон ожидал подобной метаморфозы с самого полудня, но лучше оттого не стало.

Кот извинился, отошел, провожаемый разочарованными взглядами. Ворон обнял его за плечо, заговорил шепотом, так что местные видели, что он говорит, но не могли разобрать слов. И очевидно оскорбились.

– Мать твою, ты что, не видишь? – буркнул Ворон.

– Ну да, – обиженно согласился Кот.

Ну да, надо же – и в самом деле обиделся.

– Черт, они мне уже и понравились. Знаешь этого парня-банкира, Фостера? Он захотел построить...

– Он захотел надуть твою и мою задницы, – перебил Ворон.

Кот замялся, нерешительно и рассеянно глянул на толпу.

– ...Ну, да, – наконец выдал он.

Оба закурили и пошли к машинам.

– Но знаешь, Джек, они не то чтобы очень, – виновато зашептал Кот. – Они же пытаются вытащить себя из дыры, ну, найти хоть какое достоинство. Ты ж сам мне про это и рассказывал.

– Им не следовало загонять себя в дыру, – неумолимо отрезал Ворон.

– Джек, их вампиры туда загнали.

– Ну да, мать их, вампиры. Но, Кот, что это меняет? Местные не встали против них, забились в угол, а теперь хотят отомстить нам за то, что мы сделали их работу. У меня к ним никакого сочувствия.

– Но мы ж так их раскатали перед всем городом.

Ворон остановился, оглянулся и повторил:

– Никакого сочувствия.

– Слушай, ну зачем так заводиться? Они же просто, ну, застыдились, или вроде того.

– А тебе не приходило в голову, что им есть чего стыдиться? – осведомился Ворон.

Несколько секунд оба молчали.

– Ладно, – вздохнув, согласился Кот. – Я подготовлю.

– Не надо, – покачав головой, буркнул Ворон. – На этот раз – не надо. Я не намерен мириться с этим дерьмом.

Кот искоса глянул на него.

– Но все равно, мне следует...

– Черт возьми, нет! Слушай, меня достали бесхребетные ублюдки. То они ползают на коленях, умоляют нас, потому что не хватает яиц встать против тварей, превращающих жен и дочерей в кровослюх. То они изо всех сил стараются сделать вид, что вовсе не ползали на коленях, мелкие кретины. А мол, тут всего лишь сделка, как любая другая, и вовсе не важно то, что мы прискакали перед самой резней.

Ворон чуть не задохнулся от злости. Он выронил, расплющил о землю сигарету, прикурил вторую.

Кот подождал, пока Ворон успокоится.

– Ну, на всякий случай я мог бы, – невинно и простодушно начал Кот.

– Делай, что хочешь! – свирепо перебил Ворон. – Но я тебе говорю, что меня достали и эти заморыши, и прочее подобное дерьмо. Не будет им, понял!

Он сунул трясущийся указательный палец под нос Коту.

– Ты понял меня?

– Понял, конечно, – покорно подтвердил тот.

Ворон оскалился, швырнул наземь сигарету и пошел к местным, все еще стоявшим вокруг джипов, но остановился, свирепо уставился на друга и прорычал:

– Не будет им!

На полдороге Кот услышал его хриплый шепот: «Вот не будет – и все».

Глава 2

Это была симпатичная тюрьма – особенно для поклонников старых вестернов.

Камера Ворона напоминала сразу все виденные серии «Стрелка». Топчан, табуретка, отхожее ведро без крышки, и дверь такая, что открывать нужно ключами от города, не меньше.

Но примечательней всего был замглавы местной полиции. Ради удовольствия его созерцать стоило посидеть в местной тюрьме. Он был воплощенное чудо.

Во-первых, его брюхо – настоящий триумф анатомии. Но истинного величия он достиг в искусстве ковыряния в носу. Ворон никогда за всю свою жизнь – и, как подозревал, за множество других – не встречал ковыряющегося в носу с таким неподдельным многочасовым усердием, и, главное, со впечатляющими результатами.

У зама имелись и прочие добродетели. Вдобавок к бытности неподдельным моральным уродом, он был еще и откровенным гопником. В первый свой час в кутузке Ворон наблюдал, как зам пресмыкается перед зятем мэра, беззастенчиво прессует несчастного школьника за слишком поздно оплаченный штраф за парковку и бьет Ворона полицейским фонариком по высунувшимся за решетку пальцам.

Ворону делалось легко и приятно от мысли о том, как он будет убивать зама. Оттого часы в кутузке текли гораздо приятней. Точней, Ворон думал не про убийство, а про то, как заманит болвана. Дед Ворона не раз говаривал внуку, что гопники не любят и боятся драки. Они просто любят бить людей. На том Ворон и решил выстроить свой план на первые часы. Для начала следует немного понять.

Ворон ныл про то, что его заперли в кутузке, про то, что его обманули большие дяди, мол, они-то думают, что им все можно, раз у них есть деньги. Он поныл и про еду, вернее, про ее отсутствие. Мол, помирает с голоду. Ворон поныл и о вони из параша, и о вкусе воды, и предположил связь между одним и другим.

Он жаловался на боль в пальцах, часто и звучно обсасывал их, показывал, какие они распухшие, требовал доктора.

Третий приказ заткнуться уже сопровождался рычанием.

– Так заставь меня, жирюга! – с такой же свирепостью заорал Ворон, но притом потупился.

Зам ухмыльнулся, встал, обошел стол, пошлепывая фонариком по ладони.

– Может, и заставлю, – с нежностью пообещал он.

Ворон сделал вид, что помимо воли пятится от решетки, но потом берет себя в руки. Затем он выкрикнул: «Я тебя не боюсь!» – самым неубедительным тоном, какой смог изобразить.

Ах, вот он, рай гопников. Свиные глазки зама радостно заблестели. Он вытащил ключи, оскалил в счастливом предвкушении зубы – все три оставшихся спереди, желтых и гнилых. Наглый бедолага узник в страхе прижался к задней стене! Сейчас, сейчас!

Но когда зам таки открыл камеру и шагнул внутрь, его хриплый гнусавый гопнический хохоток сменился пронзительным визгом.

Ворон впечатал его в письменный стол.

Потом зам поднялся из обломков расплющенного кресла и опасно выглянул из-за стола. Он не поверил, что такое происходит именно с ним.

Зря не поверил.

Но, в общем, Ворон его не покалечил, всего лишь повозил мордой по офисному полу до тех пор, пока зам не захныкал, а после закинул его в камеру.

Из среднего ящика стола Ворон вытащил армейский кольт и запасную обойму, тоскливо посмотрел на телефон. Эх, сейчас бы переговорить с Котом... но в мотеле снять трубку может

кто угодно. Мать его, пока сидел в кутузке, никаких известий от Команды. Парни должны вытаскивать босса, все ж как обычно. Затем Ворон вспомнил, как бахвалился перед Котом. Дескать, обойдусь без помощи. Но Кот вряд ли послушал. С другой стороны, у того имелась крайне раздражающая привычка вдруг повиноваться боссу в самых неподходящих обстоятельствах.

Ладно, черт с ним, с телефоном. Ну лучше убраться подальше от полиции. Ворон сунул кольт глубоко за пояс и направился к двери, а по пути отсалютовал замку.

– Эй, Гомер, пока. Круто у нас с тобой получилось.

– А как вы узнали, что меня зовут Гомер? – прохныкала жирная клякса.

Ворон воздел очи к небу и рассмеялся. Да, Бог уж точно существует. И у него есть чувство юмора.

Теперь выбросить все из головы, отключить свет в каталажке, вдохнуть поглубже, взяться за дверную ручку.

– Всё в порядке, – прошипел себе Ворон. – Черт возьми, рок-н-ролл!

И распахнул дверь.

На тротуаре снаружи стояли все копы этого мира.

Да, не самый счастливый момент в жизни.

– Пожалуйста, остановите его! – закричал человек, в котором Ворон опознал банкира Фостера.

Копы шагнули вперед. Ворон подумал про пистолет за поясом, про шансы на выигрыш, про то, когда и как возможно стрелять в полицейского, пробормотал «дерьмо» и поднял руки.

– Нет, нет, не его! – проталкиваясь сквозь толпу ретивых констеблей, заорал мэр.

Он схватил Ворона за предплечье и потянул за собой, будто растерявшийся ребенок.

– Мистер Ворон, остановите его! – взмолился мэр и указал на площадь.

Толпа расступилась, и Ворон наконец увидел свою Команду. На площади стоял кран с опущенной стрелой, с прицепленной к тросу длинной пикой. Пика протыкала грудь вампира, корчащегося и шипящего как раз под пьедесталом памятника отцу-основателю города.

Энтони стоял на крыше джипа и многозначительно воздел руку, готовый дать знак крановщику. Тот уже потихоньку поднимал стрелу, натягивал трос, чтобы выдернуть пикку.

– Отпустите его! – проревел Энтони. – Иначе все ваши проблемы начнутся заново!

Ворон критически глянул на извивающегося, плюющего вампира. Интересно, отчего никто не сумел распознать в нем вымазавшегося серым Кота?

– Так мы получим свои деньги или нет? – спросил Ворон у мэра.

– Простите, мистер Ворон, но мы никогда не ставили вопрос об отказе платить, – поспешно выпалил банкир Фостер. – Сумма показалась нам отчасти чрезмерной...

– Фостер, ты чертов зануда, – процедил Ворон и спросил мэра: – Так да или нет?

Ответ оказался «да», и процессия двинулась через площадь к банку. Энтони пошел вместе с Вороном, но остальная команда, а в особенности крановщик и все еще извивающийся, но тихонько хихикающий Кот остались на месте. А Ворон заметил, что, собственно, копов не так много, как показалось на первый взгляд. Всего-то с полдюжины, включая полицию штата и помощников шерифа. Остальные – та самая толпа зевак с полуденной работы.

У двери в банк вышла заминка, как-никак, десять вечера. Само собой, банкир Фостер заявил, что у него нет с собой ключей, предложил повременить до утра и уже отодвинулся от двери, но шериф Ортега грохнул в нее своим фирменным ковбойским сапогом марки «Тони Лама». Сапог был тринадцатого¹ размера. Сердце Ворона покорило не столько мощный пинок, сколько лукавая ухмылка на лице шерифа, пинающего банковскую дверь.

---

¹ Это 46-й европейский размер (прим. пер.).

Конечно, сам банковский сейф – проблема другого рода, но с ней Команда и ее босс уже сталкивались.

– У вас же есть чековая машина на кассе? – беззастенчиво осведомился Энтони.

Так что чек выписали, Ворон подписал и вручил серолицему Коту на фоне удивительно добродушных смешков, в особенности со стороны местных копов. С тем Кот и укатил, чтобы выслать чек по почте из соседнего городка.

Хотя у Джека Ворона бывали проблемы с социальными отношениями, кое-что он умел, и тут же жизнерадостно объявил:

– Время отмечать!

С тем он пригласил на вечеринку всех присутствующих отцов города и полицейских. Большинство согласилось. После кривой значительной ухмылки шерифа Ортеги владелец винного магазинчика открыл Ворону неограниченный кредит. Винный магазинчик, как то полагается в приличном трезвом городе богобоязненного штата, не имел вывески, но отличался богатыми запасами. Все уже прониклись праздничным духом, и потому джип загрузили всего за двадцать минут. Помогали буквально все.

– Ура! В мотель! – заорал вождь каравана, шериф Ортега, и замахал в окно патрульного «шевроле»-пикапа бутылкой бурбона.

– Рок-н-ролл! – пропищал мэр и густо покраснел под одобрительный гогот окружающих. И началась вечеринка.

Глава 3

Менеджер отеля выскочил из постели, когда арбалетная стрела пробила автомат «Доктор Пеппер», выбежал наружу и обнаружил у своего офиса Ворона и шерифа Ортегу. Те нежно и в унисон покачивались, обняв друг друга за плечи.

– Он сдачи не дал, гад, – любезно объяснил шериф.

– Ручаюсь, так и было. Ну дык, – тут же подтвердил Ворон.

Они с шерифом ухмыльнулись и похлопали друг дружку по спинам. Лишившийся дара речи менеджер стоял и глазел на, мягко говоря, странное зрелище. Пара гигантов ухмылялась и яростно, совершенно вразнобой кивала, будто гребла головами в невидимой реке. Менеджер не нашелся, что и сказать, поспешно сбежал, залез в постель и зажал подушкой уши.

Нашли подходящие объяснения и прочим разрушениям. Конечно, часть их можно было списать на дух праздника и некоторую небрежность. Но часть бардака была заведомой и произошла от стандартных на вечеринках Команды спортивных упражнений, отточенных до чемпионского уровня. Список состязаний включал «вращение кофейных столов», «кувырок на пике» и всегда наипопулярнейшие состязания по хоккею с пепельницей на ковре. Но состязания были всего лишь прелюдией к главному испытанию, «упою до белых коней в ожидании грёбанных шлюх». Испытание это, как все знали, по определению было суровым и, когда затягивалось, принимало совершенно уж уродливые формы.

Мотель они разгромили на пять тысяч долларов США.

Было очень весело.

Вечеринка началась с двумя дюжинами участников, включая Команду, местных и копов, и со временем разрослась до полусотни. Но к трем утра она съезжилась до двух десятков особо упорных. Отец Эрнандес оказался душой компании и горланил похабные куплеты на испанском и английском. Публика слегка удивилась, но открылось, что отец Эрнандес когда-то был настоящим отцом, то бишь мужем, при двух дочерях и рыжей жене. Семья отца Эрнандеса умерла двадцать лет назад, не от чего-нибудь, а от самой настоящей бубонной чумы, поразившей северо-западную Мексику.

Узнав, все скопом прослезились и выпили за умерших, и каждый про себя решил больше не звать падре «безъяйцевым».

Народ впал в еще горшую депрессию, когда местный пришибленный головой парнишка, которого и вправду звали Бэмби, прибившийся к вечеринке непонятно откуда, взялся плакать о погибшей семье. Ворон разозлился. Он и так был в скверном настроении из-за шерифского значка и пистолета. Хотя значок-то Ворону нравился, такой блестящий, красивый, от него законностью и правильностью так и веяло, и прочее в том же духе, да и к тому же значок напоминал, в каком кармане сигареты. Пистолет был настоящей полевой артиллерией: сорок четвертый калибр, на два дюйма длиннее талии. Всякий раз, когда Ворон садился, ствол врезался в яйца, отчего Ворон вопил и подскакивал, рвался почесать их и оттого вспоминал, что шлюхи еще и не приехали, и прочее, и прочее.

В общем, хнычущий Бэмби оказался просто сверх всякой меры. Ворон одним движением руки сбросил всех с дивана, раскрыл молнию на самой большой подушке, взял рыдающего Бэмби за уши и попытался запихнуть в подушку, а потом закрыть молнию.

Энтони произвола не потерял.

– Джек, да имей же совесть! – вскричал он и вытащил парнишку из подушки.

Тот немедленно отблагодарил спасителя: обнял за шею, пробулькала «спасибо, братан» и выблевался на грудь Энтони. Но тот даже не разозлился. Он бережно отвел Бэмби в то, что осталось от ванной комнаты, почистил себя и парнишку, подержал его голову над ванной, пока Бэмби извергался. Затем Энтони отнес на руках еще всхлипывающего подопечного на

середину комнаты и принялся наставлять присутствующих в доброте и милосердии, закончив парой исключительно подходящих к ситуации мыслей:

– Выказывая известную степень уважения и милости к родственным человеческим душам, истинный джентльмен демонстрирует класс... Кстати, явятся наконец эти траханые шлюхи или нет?

Эти откровения поразили разум Кота, уже успевшего вернуться и мертвецки наклоняться. Он залился истерическим хихиканьем, упал на бок и принялся кататься, дрыгая ногами.

Остальные – за исключением шерифа – наблюдали за ним в диком изумлении. Шерифа Ортегу мудрость Кота уязвила и расстроила. Разве это не шерифа обязанность – обеспечивать шлюх? А уже полпятого утра, и где они, мать их, шлюются?

В особенности разъярил шерифа телефон. Ортега уже два часа пытался позвонить, но грёбаный ящик упорно отказывался работать. Хуже того, он даже и пипикать не желал. А оттого ужасно мучился совестью член Команды, Дэвид Дейо. Это он еще в начале вечеринки содрал телефон со стены. Но Дэвид прослужил три года на эсминце «Хэпберн», потому был человеком утонченного воспитания и культуры и потратил несколько часов на соединение разорванных проводов самыми лучшими морскими узлами. Но телефон почему-то так и не заработал.

Полдюжины парней опустили на четвереньки, чтобы изучить проблему. Все согласились с тем, что финальный узел – артистический шедевр и теперь телефону сам Бог велел звонить. А он не звонил. Конечно, суть проблемы составляло то, что каждый уже принял дозу, способную завалить быка, но этой сути никто не понимал, за возможным исключением Кота. Тот снова залился таинственно-зловещим хихиканьем.

Кто-то предложил воспользоваться телефоном в соседней комнате.

– Я принесу, я! – завопил Кот, решивший, что настала его очередь быть полезным.

Он встал, закачался от смеха, затем, рикошетом от стен, протолкался в соседнюю спальню, выдрал и принес телефон.

Этот тоже почему-то не заработал.

Все согласились с тем, что дело в телефонной компании. Грёбаная компания халтурщиков. Надо выпить за ее улучшение.

Сделалось уже то ли совсем поздно, то ли слишком рано. Остались только закоренелые: команда Ворона, три копа, включая шерифа, отец Эрнандес и Бэмби. Кто-то предложил пойти самим и отыскать женщин. Отправиться, так сказать, в великий поход. Идею встретили восторженными криками, но тут кто-то указал на практически иссякшую выпивку.

Полицейский напомнил всем, сколько сейчас времени. Хозяин винного уже давно закрылся и отправился домой, в кровать. Но шериф Ортега жаждал искупить вину. Ведь они уже, по большому счету, ограбили банк. Ну что после такого взломать винную лавку?

– Сперва шлюхи! – пропищал Бэмби.

– Я слишком пьян, чтобы трахаться, – проворчал Энтони, встал и уронил Бэмби головой вниз.

– Да ты шутишь, – указал Ортега.

– Никаких шуток. Я слишком пьян и потому могу только пить.

Затем Энтони по-лекторски воздел указательный палец и объявил:

– Но для того, чтобы пить, мне надо проблежаться. Э-э, пардон.

Дух товарищества быстро выродился в крикливую перебранку болельщиков на соревнованиях в колледже.

– Сперва выпивка!

– Нет, секс!

– Выпивка!

– Секс!

– Выпивка!!!

– Секс!!!

Кто-то заорал:

– Давай чего легче грузить!

Его возмущенно отмутили.

Всеобщим спасителем решил выступить Бэмби и счастливо пропищал:

– У меня снаружи фургон. Нагрузим и того и другого!

– Да!!! – заорала толпа.

Бэмби картинно раскланялся, осторожно, пошатываясь, приблизился к двери, раскрыл ее...

И на него прыгнул вампир. Тварь всадила когти глубоко под ребра, потянула – и раскрыла грудную клетку будто дверцы шкафа!

Бэмби умер, дико вереща, расплескивая кровь и потроха, свалился на пол жалкой кучкой. Вампир метнулся в комнату, кинулся на всех, так чертовски, до невозможности быстро. Первая жертва, парень из пикинеров, успел только прикрыть локтем лицо, а тварь переломала руку, раскроила его от глотки до плеча. Тот заорал. Господи Христе, как он заорал!

Где же арбалеты, чертовы, грёбанные арбалеты? Отчего-то Ворон мог думать только про них, повернулся, осматривая комнату и на мгновение упуская вампира из виду. Это ж единственный способ остановить тварь, а еще ведь ночь! Грёбаная ночь.

Может, и арбалет тут ни хрена не поможет, но вон он, прислонен в самом конце стола, под лампой. Ворон кинулся к нему через диван, забитый перепуганными насмерть смертными. Они только сейчас поднимались на ноги, потому что все так до невероятия быстро, слишком быстро для них. Но этого же не может быть, как же это? Ведь работа сделана, уже вечеринка, все отлично...

Ворон столкнулся в прыжке с головой кого-то встающего с дивана и влетел правым плечом прямо в острие болта.

Господи!

Он повертел стрелу, выдернул из плеча, разодрал и мясо, и рубашку.

«Ох мать вашу, господи!»

Кровища хлещет, от боли темнеет в глазах, лампа закачалась, упала на ковер рядом с головой, замигала. Ворон встал на колени, опустошенный и окровавленный, и наблюдал разворачивающийся в стробоскопическом моргании кошмар.

Тьма.

Свет. Дэвид Дейо в прыжке, достойном «черного пояса» карате, боком правой ступни рубит вампира под подбородок, где тонкая шкура. Звук такой, что у любого нормального человека от удара, наверное, отлетел бы череп.

Тьма.

Свет. Тварь схватила Дэвида... ох, мать, она схватила его за хребет, будто за ручку чемодана, и лупит им то об потолок, то об пол. Дэвид уже давно мертв, все его кости переломаны, конечности болтаются будто у куклы. Энтони... ох, здоровенный парень врезается плечом, хватает вампира будто на чертовом реслинге...

Тьма. Грохот и звон в паре футов.

Свет. Тело Энтони висит на подоконнике разбитого окна и жутко, медленно соскальзывает, ноги запутались в занавесках, пах-пах, лопаются кольца, оборванная занавеска мягко летит на пол, прикрывает тело. Рядом появляется Кот, шипит на ухо: «Да, да, окно!» Будто таким и был с самого начала план Энтони.

– Что? – заикнулся Ворон, – но он понимал: Кот прав.

Осталось только спастись бегством. Тварь ревела и убивала, неуязвимая в ночном мраке. Шансов нет. Подталкиваемый Котом, Ворон сунулся к окну и глухо застонал от боли, когда Кот пихнул в раненое кровоточащее плечо.

– Ты ранен? – изумленно выдохнул тот.

– Мы все уже трупы, – пробормотал Ворон.

Снова тьма. Ворон пропихнулся сквозь остатки стекла и приземлился на что-то мягкое и мертвое, похожее на старого верного друга. Но сейчас не надо про это думать. Он поднялся, обернулся. Где же Кот, старина Вишневый Кот, без него вообще не имеет смысла... Свет снова включился – и вот он, Кот, рядом, и помогает стоять, а в окне виден отец Эрнандес, вовсе не безыйцевый. Он тычет краем огромного серебряного креста в лоб чудовищу и умирает, обезглавленный небрежным, почти ленивым ударом.

Повсюду ужас и кровь – на стенах, на потолке. Оцепеневший от страха шериф торчит столбом посреди парковки и глядит на старый потрепанный «кадиллак» рядом с патрульным пикапом.

– Джек, ради бога, – простонал Кот.

Джек вдруг понял, что страх и слезы в глазах Кота – из-за неудачника босса. Кот боится его потерять, боится не суметь увезти отсюда.

Ворон не мог видеть, как плачет Кот, и потому побежал.

Кот затолкал босса в боковую дверь пикапа и в придачу как-то сумел подхватить и шерифа и впихнул на сиденье рядом с Вороном, а сам вскочил на водительское кресло. О боже правый, где ключи? Ох, господи, да вот же они, торчат в замке, шериф просто оставил их там, ведь не то чтобы их кто-нибудь мог забрать... Кому их тут красть?

Они с визгом вынеслись с парковки на трассу, и Ворон расхохотался. Оно лучше – смеяться взахлеб, чем думать о стробоскопическом, невыносимом кошмаре в мотеле, чем вспоминать о растерзанных пассажирах «кадиллака», несчастных шлюхах, приехавших поздно, но, увы, недостаточно опоздавших.

И тут темноту разорвал дикий рев, перекрывший рокот мотора:

– Вор-рон-н!!!

Все в машине постарались сжаться в крохотные комки.

– Вор-рон-н!!! – ревел вампир, а Кот вдавил в пол педаль газа.

Пикап дал шестьдесят миль в час, семьдесят, восемьдесят по двухполосному шоссе.

Дикий рев ударил по нервам:

– Вор-рон-н!!!

Вампир догнал, прыгнул в кузов и сунул лапы в салон, пробив заднее окно. А Ворон обнаружил у себя в руке огромный шерифов пистолет, ткнул в лицо монстру и нажал на спусковой крючок. В конце концов, почему бы и нет?

Ублюдка вышибло из кузова вместе с его кроваво-алой зубастой ухмылкой и жутким блеском в глазах. В этих глазах сверкнуло что-то большее, чем тупая животная жажда крови. Вампир выломал заднюю стенку кузова словно бумажную и поехал, растопыренный, по рву-щему как наждак асфальту.

– А да! Да! Э-ге-гей!!! – взвыл ошалевший от радости шериф, подумавший, что асфальт и пули прикончили чудовище.

Кот с Вороном лучше знали вампиров. Но и они сжались от ужаса, когда монстр кувырнулся и вскочил, и немедленно бросился вдогонку. Счастливое улюлюканье шерифа сменилось детским пронзительным визгом.

Тварь приблизилась так быстро, что Ворон успел увидеть, как затягивается рана от пули во лбу. И в эту дыру затягивало струйку черной крови из раны, оставленной серебряным крестом отца Эрнандеса.

– Господи Боже! – взвыл Ворон, когда пикап на скорости в сотню миль перевалил холм и впереди вдруг показался зад фермерского грузовика, плетущегося на двадцати милях в час по самому центру шоссе.

Кот загнал пикап влево и проскочил мимо фермера, но пикап скрежетнул по ограждению, резко развернулся и выскочил на середину, закрутился, взлетел на вершину следующего холма. Вдали показалась городская площадь, и Ворон подумал, что, по крайней мере, сумели пробиться в город. А на ту площадь уже не добраться, она как вечное искупление грехов, и как надежда за ней – первые лучи рассвета...

«Вашу мать, рассвет! Грёбаное солнце!»

Больше Ворон ни о чем не успел подумать, потому что пикап полетел кувырком, сперва с одного бока на другой, а потом с носа на корму, а затем тихо покатился вниз по склону, по главной улице захолустного городишка в Индиане.

Ворон очнулся первым, выбрался из машины и вытянул остальных. Даже сумел провести их сквозь толпу к местной больнице. Скорая помощь встретила на полдороге. Ворон помог завести их в больницу, посмотрел на то, как берут анализы крови, и, когда убедился в том, что все выживут и разложены по местам, сам улегся на кушетку.

Последней его мыслью перед тем, как отключиться, стало:

«А я ведь подумал, что тот, первый, и был вожак».

Первая интерлюдия

Облаченный в белоснежные одежды, по-королевски величественный Человек спокойно ждал, пока помощник возьмет себя в руки. Когда тот наконец пришел в себя, Человек улыбнулся и кивнул.

– Ваше Святейшество! – обратился помощник, и голос его был полон отчаяния и почти детской наивной обиды. – Этот тип, Ворон, просто катастрофа!

– Поведайте же, – предложил Человек.

– Ваше Святейшество, он прибыл пьяным, кричал, гадко себя вел и сквернословил, оскорблял всех, кого видел. Он называл братьев евнухами, а сестер пингвинами. Он пытался драться с охранником у приватного входа.

– И подрался?

– Нет, Ваше Святейшество. Я вмешался, – со вздохом поведал помощник. – Ваше Святейшество, простите меня, но я едва не пожалел об этом. Наглецу бы пошла на пользу хорошая взбучка от швейцарца.

– Мы полагаем, что инструкции были предельно ясными?

– Да, Ваше Святейшество. Именно по этой причине я и вмешался. Но мои усилия едва ли были приняты с благодарностью. Мистер Ворон назвал меня... э-э...

– Назвал вас как?

– Безъязцевым.

– Мой старый друг, я понимаю: для вас это тяжело, – вздохнув, сказал Человек. – Нам очень жаль.

– Ваше Святейшество, я нисколько не жалею, я всего лишь...

Помощник запнулся и продолжил с улыбкой:

– Похоже, я все-таки жалею. Простите меня, Ваше Святейшество.

– Не за что.

– Ваше Святейшество, спасибо.

– Мы слышали, он ранен.

– Да, Ваше Святейшество. Все его правое плечо в бинтах. Но он все равно не позволил нашим докторам осмотреть его.

Помощник запнулся, взглянул на окно в дальнем конце древнего зала.

– Ваше Святейшество, он утверждает, что в порядке. Но он лжет. Мне кажется, движения причиняют ему сильную боль.

– Это и в самом деле так, – тихо подтвердил Человек, и, улыбнувшись, с горечью добавил: – Только он мучается и тогда, когда не двигается. Очень мучается.

– ...Ваше Святейшество, я знаю, что этот мистер Ворон очень важен для... но нам бы очень помогло, если бы... Ваше Святейшество, мы можем узнать, кто он?

– Не можете.

– Но, Ваше Святейшество, если бы мы только...

– Не можете.

– Да, Ваше Святейшество, – еще раз вздохнув, подтвердил помощник. Это был глубокий вздох облегчения. Раз уж нет, то и ответственности нет. – Все готово, – сообщил он. – Стол накрыт. Как и пожелали Ваше Святейшество, подаваться будет американская еда.

– Спасибо. Вы выказали чрезвычайное тщание.

– Ваше Святейшество, благодарю, – произнес помощник и глянул на часы. – Этот человек, Ворон, в обеденном зале уже пятнадцать минут. Он уже пьян. Возможно, лучше будет встретиться с ним в другое время.

– Лучшего времени не будет, – сказал Человек.

В его голосе прозвучало столько скорби и горечи, что помощник, к своему удивлению, не смог вымолвить и слова. Он приблизился, поцеловал кольцо, пошел прочь – но остановился у двери. Человек понял, что его помощник – в крайней степени отчаяния и растерянности.

– Пожалуйста, Ваше Святейшество, осторожней с мистером Вороном. В его душе много гнева. И... он ведь ненавидит вас.

Человек подождал, пока останется один, затем встал и, мягко ступая, прошел к боковому входу, но заколебался перед тем, как открыть дверь личной столовой.

– Да, конечно. С чего бы нет? – пробормотал под нос.

С тем он и вошел.

Широкий сводчатый потолок. Гобелены. Ковер, которому три века. Длинный узкий стол, у каждого края – по тяжелому деревянному креслу. В дальнем сидел Джек Ворон, с ногой на подлокотнике, с бокалом вина в одной руке и сигаретой – в другой.

Человек ответил кивком на приветствия слуг – пара у каждой стены, спокойных и незаметных, без малого сливающихся с интерьером – и молча прошел к середине зала.

– А, вот и он наконец, – буркнул Ворон, медленно, тяжело встал и пошел навстречу вошедшему.

Человек подождал, пока Ворон приблизится, затем произнес:

– Джек, я рад снова видеть тебя.

И протянул руку с кольцом.

Ворон посмотрел на кольцо в очевидном замешательстве, потом улыбнулся, сунул сигарету в рот, переместил бокал из правой руки в левую, пожал руку с кольцом и сквозь облако сигаретного дыма осведомился:

– А ты как, черт возьми?

Несмотря на неоднократно повторенный и разъясненный приказ, слуги чуть сдержались.

Человек и не дрогнул, спокойно встретил взгляд Ворона и улыбнулся.

– Джек, мы – неплохо. Но, как мы видим, ты ранен?

Он указал на толстый слой бинтов под брезентовой курткой Джека. Тот рассеянно махнул рукой.

– А-а, священник, учитывая обстоятельства, это сущие мелочи. Все остальные, кроме Кота и меня, трупы. Все. Команда мертва. Ее больше нет.

– Да, Джек. Мы знаем.

Они несколько секунд глядели друг другу в глаза. Ворон вдруг отвернулся, стряхнул пепел на ковер и взялся за графин с вином.

– Все умерли. Всех убили, – сообщил Ворон и долил себе вина.

Затем он шлепнулся назад, в кресло, и обиженно осведомился:

– Ну, и как прошла ваша рабочая неделя?

Дальше – больше. Слова и тон делались все оскорбительней и презрительней. Он обращался к Человеку: «Ваше Ослейшество». Он гасил сигареты о ближайшее, что оказывалось под рукой: о тарелки, бокалы, столешницу. Он был развязным и шумным, злым, непристойным – и отвратительным.

Человек мало говорил, но его скорбное молчание, казалось, облаком висело у его края стола. Человек все больше боялся того, что слуги, впавшие от изумления в почти коматозное состояние, могут не выдержать, и встреча закончится насилием. Он обвел их взглядом и приказал:

– Вы все – покиньте нас!

Ониотреагировали не сразу, но в конце концов вышли – с каменными лицами, медленно, нехотя. Луиджи остановился у двери и оглянулся.

– Мы позовем вас, если понадобится.

Луиджи по-прежнему стоял и смотрел.

– Мой старый друг, все будет в порядке, – тихо заверил Человек.

И тогда остался наедине с Вороном.

– Вот это другое дело, – хихикнул тот. – Сейчас можно и по-хорошему тяпнуть.

Он схватил кресло у стены, подвинул, чтобы поставить рядом с Человеком, но закачался и чуть не упал. И было нелегко таскать тяжелое кресло одной правой. И оттого в Вороне проснулось что-то, помимо ярости и злости – что-то глубже. И хуже.

Он наконец подвинул кресло к Человеку, плюхнулся на сиденье и понял, что остался почти без вина. Он тоскливо посмотрел на почти пустой графин у себя на коленях.

– Джек, у нас есть еще, – по-прежнему спокойно и негромко сообщил Человек и потянулся к графину рядом со своей тарелкой.

– Мать твою, нет!!! – вдруг взревел Джек.

Он привстал, попытался перехватить правой рукой графин, а левой, раненой, отшвырнул Человека к спинке кресла.

Мертвая тишина. Оба, пораженные, глядели друг на друга. Ворон вздрогнул и выронил графин, и тот вдребезги разбился о стол. Красное вино потекло вокруг тарелки, хлынуло к краю стола.

Ворон пытался, честно. Он старался изо всех сил. Он кинулся, стараясь остановить поток, и даже оперся предплечьем об стол, чтобы преградить путь вину. Увы, ничто не смогло помешать багровой реке. Она забрызгала, запятнала багрянцем молочно-белую, снежно-чистую мантию.

И оба снова застыли, но глядели уже не друг на друга, а на пятна.

Ворон взорвался. Он вскочил, завопил, заголосил, снова и снова плескал вином со стола на мантию и ревел притом все громче и громче, надсаживая голос:

– Вот тебе, черт возьми! Вот тебе, святошливый ублюдок! Сейчас тебе самое время попробовать кровушки!!!

Человек застыл, вжавшись в кресло, закрыв глаза, а ему в лицо, на мантию, на голову летели багровые капли, а над ним ревел и бесновался Ворон.

Внезапно все стихло.

Человек открыл глаза и увидел над собой гиганта с руками, одеждой и лицом, залитыми вином. Гигант дрожал от ярости.

И от страшной неизбывной муки.

– Ох, сын мой, – прошептал Человек.

Его сострадание было неподдельным и живым.

А искаженное яростью лицо Ворона будто расколосось пополам – и начало таять. Хлынули слезы, побежали по щекам. Он жалко, потерянно застонал – и упал на колени.

Огромными дрожащими руками он обнял Человека за талию, прильнул, сотрясаясь от рыданий, будто ребенок, ищущий спасения и утешения, а старик держал его голову на коленях, и качал, и утешал. Ворон плакал и плакал.

– Отец, это так ужасно! – хныкал гигант, а потом, всхлипывая, говорил о том, как ему жаль и как он виноват.

Оба знали, что речь не о сегодняшнем дне и ужине. А потом, когда гигант почти уже заснул, он хрипло шептал и бормотал: «Господи, прости меня, прости меня, Боже...»

А Человек снова и снова прощал его.

Несколько часов спустя слуги так и не смогли уговорить Человека встать и потревожить спящего гиганта. Слуги подумали, что дело в бесконечном милосердии и сострадании Человека, бесконечной любви, побудившей всю ночь молиться о душе огромного хнычущего верзилы.

Но дело было не в милосердии и любви, а в страхе.

Человек не сомневался в том, что Джеку Ворону простятся его грехи.

Но кто простит его, Человека, за то, что он снова посылает беднягу к чудовищам?

Глава 4

Джек Ворон проснулся от невнятного кошмара на рейсе из Рима и взглянул на ангельское личико нового члена команды, отца Адама, спящего на соседнем сиденье.

«Милый парнишка, – подумал Джек. – Наверное, я погублю и его».

Затем Джек отправился спать, потому что какие угодно кошмары лучше, чем эта мысль.

– Мне нужен вампир, – в сотый раз объявил Карл Джоплин.

Кот сочно рыгнул. Аннабель положила мягкую белую ладонь на большое жирное плечо Карла и сообщила:

– Дорогой, я знаю.

Остатки Команды Ворона уже четвертый час сидели в баре аэропорта Монтеррея. Они пришли за час, чтобы разогреться перед встречей, и проторчали еще три, потому что опоздал самолет. Они представляли собой не совсем приятное зрелище.

Кот подумал, что это за исключением Аннабель. Она – всегда приятное зрелище, даже когда не в форме. Кот очень осторожно оперся локтем о край стола, сжал кулак, положил на него щеку и воззрился на Аннабель.

Он же знал ее всю свою жизнь... хотя нет, погодите-ка... а вот и неправда. Шесть лет. Нет, семь. Почти семь с тех пор, как ее муж, Бэзил О'Бэннон, основал «Вампиры Инкорпорейтед». Она с тех пор не изменилась: все такая же пышная, симпатичная, почти блондинка, то ли за сорок, то ли за шестьдесят – ну и не разберешь, понятие возраста к ней не прилагается – и может перепить Господа Бога.

Кот вдруг решил, что пора отлучиться по малой нужде. Он поднялся с барного стула с особой осторожностью, чтобы не запутаться ногами, как в прошлый раз, и поковылял исполнять задуманное.

Карл Джоплин отвлекся от почесывания восхитительного брюха и снова объявил:

– Мне нужен вампир.

– Дорогой, я знаю, – заметила Аннабель.

– Нужно же испытать! – не унимался он.

– Дорогой, я знаю. Когда приземлится самолет, мы спросим Джека.

– Джек? Дерьмо! – буркнул Карл, отпил и повторил с отвращением: – Ну дерьмо же.

Карл еще злился на Джека Ворона, и злоба не обещала быстро уняться.

Карл был оружейником и мастером по снаряжению для Команды Ворона. Он сделал арбалеты для Джека, деревянные ножи для Кота и все прочее, что другие брали в бой. Ну а сам он разве хоть раз побывал в драке? Черт возьми, нет. Джек всегда говорил, что Карл, мол, слишком ценен. Мол, кто-то должен всегда оставаться свободным и не ввязываться, чтобы война продолжалась. В общем, Карл соглашался. Оно имело смысл. Но, черт возьми, почему всякий раз не ввязываться приходилось именно ему, Карлу?

А ведь приходилось. Конечно, он слегка полноват и на седьмом десятке, но это не повод пустить хотя бы раз! Детка, хотя бы на одну драку!

Лучший шанс на это – детектор. Карлу недавно пришла в голову идея соорудить детектор вампиров, использующий пресловутую способность их тел с необыкновенной эффективностью поглощать солнечный свет и вытекающие из того электромагнитные свойства. Приборчик вышел гениальный. Но чтобы испытать, нужен вампир. Карл чертовски хорошо понимал, что нельзя и надеяться на приступ глупости у Команды и попытку поймать вампира живьем, и уж тем более привезти к своему технику-оружейнику. Значит, надо присутствовать самому и жать на кнопки, потому что остальные дятлы, им не объяснишь. Господи Боже, не мытьем, так катаньем он обязательно добьется своего!

А пока он скреб огромное пузо, порывивал и отказывался замечать улыбку Аннабель. И это напомнило ему, что он, собственно, уже упился в дрезину, а у нее ни в одном глазу. Такой растяпа, а у нее, скажите на милость, как получается? Ну как, а?

Кот, напряженно петляющий между столами на обратном пути из туалета, думал о том же самом. За всю свою жизнь он ни разу не видел Аннабель пьяной. А ведь пила она наравне со всеми, разве нет? Ну, разве нет?

Кот задумался. А и в самом деле, ведь она пила. И была единственной, кто всерьез взялся за это дерьмо, то бишь шнапс. Погодите-ка, шнапс! Она всегда пила именно его! Может, если он, Кот, будет пить шнапс... э-э, хм, да, кхе, и мать честная... Ведь он, Кот, пьет именно шнапс! И потому так зверски окосел!

Он шлепнулся на стул, ошарашенный этой загадкой Вселенной.

– Мне нужен вампир, – сообщил Карл, приветствуя возвращение Кота на сиденье.

– Щас, – наконец огрызнулся Кот, и оба зашипели друг на друга.

Аннабель улыбнулась им, но не слишком широко, чтобы не потерять равновесие, не опрокинуться со стула, размахивая юбкой, и не расколоть голову о стойку бара словно перезрелый грейпфрут.

Затем она подумала, что тогда вылетят фиолетовые бабочки, и захихикала.

Она никогда в жизни не была настолько основательно и бесповоротно пьяной. Да и никто вообще не был. Сейчас наивысшим блаженством было бы присесть и пописать. Но вопрос: женщины вообще писают? Наверное же. Хотя нет, на них появляется роса. Кони потеют, мужчины выделяют пот, а женщины выделяют росу. Так ведь?.. Нет, оно как-то по-другому.

Но испускать мочу – это так жутко. Неприлично для леди.

Но если она не рискнет подняться и отправиться в туалет на глазах у мужчин, то совершит кое-что гораздо неприличней. А быть истинной леди, задавать стандарт поведения для Команды – крайне важно. Вне сомнений.

Вообще-то, это было верно даже в большей степени, чем Аннабель О'Бэннон могла сама представить. Она не просто держала в узде свору буйных мужиков. Аннабель была символом мира, который все они отчаянно пытались защитить или умереть, пытаясь. Именно из-за нее они шли драться, зная, что в конце концов обязательно проиграют. Те, кто был до них, – проиграли. Эти тоже проиграют. Но зато выживет Аннабель.

Ее мужчины этого не знали. Во всяком случае, эта мысль не рождалась в связном виде у них в головах – но сидела там. Они шли драться, потому что Аннабель. Вот так – и все.

Она умела обращаться с мужчинами так, как умеют немногие леди и магические создания. Знала, как заставить их сесть и доесть свою овсянку и допить питье. Или чтобы они заткнулись и послушали, что говорят другие.

Она даже заставляла их носить галстуки.

И обладала уникальной способностью остановить драку – как тогда, когда Аннабель уговорила Ворона опустить «Харлей», причем не на стонущего несчастного байкера. А ведь Джек хотел именно на байкера.

Но эти уникальные способности не помогали подняться со стула и не приближали к дамской комнате. А туда нужно. Обязательно.

Затем явилась простая идея.

– Молодой человек, – сказала Аннабель бармену, мужчине вполне средних лет. – Мне еще одну.

С тем она соскользнула на пол, приземлилась, слава Богу, на оба своих высоких каблука и успела пройти несколько шагов по направлению к счастливому облегчению, пока Кот с Карлом оправлялись от шока.

Те посмотрели друг на друга. Еще по одной? Еще по чертовой одной? Леди будет пить, а они, могучие суровые борцы со злом, будут сидеть, уставившись на салфетки перед собой, и стараться изо всех сил не свалиться под стойку, а леди будет пить...

Но что делать? Разве есть выбор? Ведь жутко и страшно, но альтернатива еще страшней. Сдаться – это самое страшное.

– Мне тоже, – сглотнув, поведал Кот.

– Еще один полный круг? – осведомился бармен, такой сияющий, трезвый и совершенный садист.

Побледневший Кот покорно кивнул. Перед его глазами, как в предсмертном забытии, проносилась вся жизнь.

Аннабель, как всегда, точно выдержала паузу и почти скрылась из виду, пока мужчин занимала борьба с собственным мачизмом. Аннабель задержалась у входа в бар и с деланой безмятежностью сладким голоском обронила через плечо:

– Молодой человек, а впрочем, не нужно.

Все трое мужчин посмотрели на нее. Бармен уже протянул руки к бутылке.

– Леди, вы точно не хотите еще одну?

– Полагаю, нет, – улыбнувшись, ответила Аннабель.

– Вы уверены? – искусно скрывая раздражение, переспросил бармен.

Она замерла, казалось напряженно обдумывая этот жизненно важный вопрос, покачала хорошенькой головкой и мило сообщила:

– Полагаю, нет.

И с тем скрылась.

Ее мужчины опрометью кинулись в открывшуюся лазейку и выдали вместе, пулеметной очередью:

– Полагаю, и я тоже.

– Если подумать, то и я.

Бармен посмотрел на них, на пустой зал ожидания и вздохнул. Да, надежды, тщетные надежды. Смешно было думать, что всего три человека заработают ему, бармену, премию за ударную продажу выпивки. Но они ведь почти заработали!

Аннабель не слышала капитуляции своих мужчин и не думала о ней. Аннабель была очень занята протаптыванием пути к двери дамской комнаты, распаиванием означенной двери обеими руками и частями прически, взгромождением на фаянсовый пьедестал, расчехлением и полным погружением в миниатюрный оргазм, дарованный Богом тем, кто создан по Его образу и подобию.

Затем Аннабель подумала, что очень устала.

Это были очень насыщенные и сложные две недели. Джек в Риме, пришлось самой все улаживать вместе с Котом и Карлом. Хотя общаться с родственниками вышло легче, чем она ожидала. Те, кто решает стать крестоносцами, обычно не шибко семейственны.

Но это, увы, не относилось к Энтони. Ей пришлось ехать в Сан-Антонио и самой общаться с миссис Беверли. Когда эта святая женщина открыла дверь и увидела Аннабель, то все мгновенно поняла. Женщины обняли друг друга и два часа напролет стояли переминаясь с ноги на ногу, плакали навзрыд и вспоминали милого, красивого, храброго огромного черного Энтони, которого так любили. С тех пор, как умер муж, Бэзил, ничья смерть не потрясала Аннабель так сильно. И тогда она поняла: когда придет время Кота и Джека – а это время придет обязательно, – для нее, Аннабель, мир закончится.

А пока от нее зависит, продолжится ли Команда. Пусть Карл Джоплин и гениальный мастер на все руки, но ему отчаянно нужна Аннабель. Без нее он, наверное, пропадет совсем.

Жаль, но и что с того? Если уйдет Джек с Котом – уйдет и она. Даже если вдруг пред- ставить, вообразить на мгновение страшную внезапную потерю, безжалостный удар, тут же

представляются спальня, тишина и аккуратная дорожка из таблеток снотворного, ожидающих оказаться в глотке.

Любопытно, но Аннабель никогда и не думала о том, что может умереть по-другому. Она никогда не видела вампиров, никогда не хотела их видеть и не могла придумать ни единой причины их видеть. Вампиры – это работа мужчин. А мужчины – работа ее, Аннабель.

Она не знала, что, когда накатит ревуший ужас, вампиры станут и ее работой. Но пока она не могла и представить этого.

Аннабель думала о предстоящем переезде. Они покидали Пеббл-Бич и возвращались в Техас, в Даллас. Они будут скучать по виду на залив, по ухоженным, гладким как статуи полям для гольфа, по океанскому туману в верхушках сосен, и больше всего по крошечным оленям, каждое утро поедавшим цветы.

Посаженные ею, Аннабель, цветы. Она громко и часто объявляла, что ненавидит этих тварей, они – бич Господень, проклятие природы. Мир станет лучше, если оленей сожгут на костре.

Тут кто-нибудь обязательно осведомлялся: «И Бэмби тоже?»

– В особенности Бэмби, – сухо отвечала она. – Этот гнусный мелкий урод их только подбадривает.

Ну, конечно, ее притворная злость никого не могла обмануть. Но все равно каждое утро она надевала свою единственную пару синих джинсов, кроссовки, клетчатую байковую рубашу покойного мужа, завязывала волосы шарфом, бралась за оружие (швабру с заднего крыльца) и бросалась в бой. Тогда все кидались к окнам, даже и преодолевая похмелье, чтобы ржать, хлопать в ладоши, стучать по стеклу и болеть – как правило, за оленей, в особенности за отдельно гнусную тварь, бывшую вожаком стаи. Самодовольная, нахальная, дерзкая, та просто переставала есть, стояла и с полным бесстрашием глазела на то, как Аннабель мчится, трясая шваброй. А прямо перед ударом тварь спокойно перепрыгивала через десятифутовый забор, сооруженный специально для того, чтобы не пускать подобных дряней. Ребята любили вожака и называли его Бэмби в честь героя того глупого мультика, а еще...

Ох, мои ребята...

Их больше нет. Они все мертвы. Ушли бесповоротно, навсегда. Их настигла жуткая смерть.

Потом еще долго все в баре сидели молча. Тишину нарушали только всхлипывания, доносившиеся из дамской комнаты.

Собственно, потому остатки Команды и переезжали. «Зоопарк», южное крыло с семью спальнями, теперь пустовал, стоял темным, пыльным и мертвым. Переезд – после бойни у Джека хватило сил только на этот приказ. Ворон был вне себя от боли, ярости и стыда, и перед тем, как погрузиться на рейс в Европу, велел отправить всех в Техас, домой.

А на долю Аннабель осталось все упаковать, лететь в Даллас, выбирать и покупать дом с местом под мастерскую Карла и, самое сложное, сортировать оставшиеся вещи.

Погибшие оставили так много вещей. Зачастую совсем детских. Аннабель вспомнила о них и вытерла слезы.

Пусть они и были взрослыми мужчинами – самому младшему почти двадцать пять, самому старшему чуть больше сорока, старше даже Кота, второго после Джека. Но оставались такими мальчишками!

Ох, она же понимала их ребячливость. Это же от их работы, верней, от ужаса перед нею. И от неизбежности гибели.

Они же не собирались жениться, растить детей, стареть и мирно прощаться с жизнью на тихом курорте. Они все знали, что умрут, погибнут от отчаянного удара когтями, от клыков, от того, что слишком быстро и страшно для обычного человека. Не отразить и не спастись. А

потом выжившие пробьют тело деревянным колом и отрубят голову, и потому не будет даже похорон, на которых смогли бы оплакать друзья.

Они все знали, что умрут, и умрут скоро. Знали все до единого.

И потому были как дети – ее, Аннабель, дети. Она теперь паковала так много их игрушек: игровых приставок, стереосистем, моделей самолетов, пинболов (отчего-то каждый хотел иметь свою личную игровую машину), кальянов, книжек научной фантастики и комиксов. Часть комиксов была, необъяснимым образом, на японском. И к чему на японском? Ведь никто из них не говорил по-японски, а уж тем более не читал. Еще имелись в изобилии порнороманы и журналы. Аннабель узнала, что, оказывается, вполне законно назвать журнал «Выеби меня» и продавать его.

Так много всевозможного барахла, так много потраченных на него денег. Человек из Рима знал, что его воины не накопят состояний, потому что не успеют. И потому они тратили все, что зарабатывали.

Но то, как именно они тратили деньги, попросту ужасало Аннабель – и вместе с тем казалось милым, даже вызывало симпатию. Вся эта здоровая мужественность, алкоголь и страх стольких мужчин в одном особняке... да, жизнь там была, мягко говоря, весьма своеобразной и интенсивной.

И столько выпивки. Целое море ее. Для Команды напиться было как для обычного человека выпить один коктейль. Месячный счет за выпитое в особняке превышал тысячу долларов. И это не считая того, что ребята оставляли в барах. Аннабель вечно приходилось ездить по ним и закрывать кредиты. Огромный гараж был битком набит «Корветами», джипами и мотоциклами. И все всегда упивались настолько, что не могли ехать на них домой. После восьми аварий за две недели Джек установил правило: после пьянки всем возвращаться на такси, если только не с Котом. Тот, и выпив, мог убедить любого полицейского подарить на память пистолет.

Но никто из ребят не был алкоголиком. Дело не в выпивке, а в хлещущей через край энергии. Они изводили горничных, неизменно выпрыгивали совершенно голые и мокрые из душа и предлагали помочь. Повара сбегали с такой частотой, что было запрещено даже заглядывать на кухню, пока повар на территории. Если ребята хотели чего-нибудь сожрать, то должны были звонить и заказывать. Количество поглощаемой пищи восхищало и ужасало поваров. Ребята мели в чудовищном количестве буквально все: и уличный мусор, и гурманские яства – буквально все пригодное в пищу.

Они не толстели. И ни у кого, за исключением Карла, не отрастало брюхо. И не то чтобы ребята были в особенности дисциплинированными, отнюдь. Просто они были, ну, преданными идее, что ли, верными ей и друг другу. Каждый боялся не только за себя. Если кто-то не успеет повернуться с деревянным колом в руках, когтями от глотки до бедра могут располосовать не его, а друга. Даже определенно, друга, потому что он кинется на помощь, а кто еще в целом свете может спасти парня из Команды, как не его друг из нее же?

Аннабель вспомнила, что именно поэтому Джек запретил устраивать борцовские состязания и выяснения на кулаках. Стычки почему-то всегда случались на лестницах. Может, дело в широких плечах? С такими непросто разминуться, когда торопишься, а там слово за слово...

Джек не потерпел и запретил. Они и так по уши в адреналине, незачем еще и отрываться на своих.

Лишившись возможности подраться, ребята разнесли дом. Они как-то решили из-за дождя поиграть в гольф внутри.

Аннабель задержалась перед зеркалом в зале, приводила себя в порядок, вспоминала и старалась не улыбаться. Не получалось. Честно говоря, Джека тогда и не было в городе. Они вместе с Котом и Энтони отправились в Сан-Франциско на футбол, смотреть, как их старая команда дерется с тамошними «фоти-файверами». Но Аннабель не усомнилась ни на секунду:

Джек бы своих не унял. Наверное, сидел бы в своем здоровенном кресле, ржал и делал ставки на победителя.

Гольф в доме. Она вздохнула. Шесть окон к черту, из них три – витражных.

Она еще раз окинула себя взглядом перед возвращением в бар. Похоже, неплохо.

Ну, для своего состояния и возраста.

Ну, для того, что еще осталось.

И для того, на что еще можно было надеяться.

Аннабель подумала, что очень устала, и одернула себя. Это же вранье. Не настолько устала, сколько попросту напугана.

Или все-таки и устала, и напугана.

Да – и то и другое.

Джек, возвращайся к нам скорей и останься собой!

Отец Адам посмотрел на старика за семьдесят, спящего в кресле через проход, и поставил, как изрекает тоном диктора ТВ: знаете ли, сэр, в США каждый год официально проводится более шести сотен сеансов экзорцизма. Для вас это всего лишь тема для замечательного фильма, который, может быть, и правдив, а может, и нет, но сейчас и сию минуту вы, конечно же, ни капли не верите.

Взгляд Адама скользнул в сторону Джека, посапывающего в кресле впереди.

Глядите, сэр, вот этот человек зарабатывает на жизнь убийством вампиров. И как вам такое?

Адам вздохнул, посмотрел еще немного на Ворона и затем перевел взгляд на горы запада США, расстилающиеся внизу.

Я галлюцинирую. А может, и нет. Все реально, все происходит на самом деле. Желчь истекает из Зверя с рассвета человеческой эпохи, и даже раньше.

Он снова посмотрел на Джека.

Попросту этот человек – кино. Этот ходячий, говорящий, кровоточащий, матерящийся медведь в человеческом обличье – настоящее живое кино.

Но ведь кино, по определению, невсамделишное.

Впрочем, как и священники с их возней. Так что же я, отец Адам, здесь делаю? Он не хотел об этом думать, но, помимо воли, думать начал. Ведь он здесь и по уши. Он больше не долговязый парнишка с темными кудряшками, слишком уж смазливый и потому вынужденный прятаться в семинарии и черно-белой форме и от девиц, и от хищных самцов.

Он обвел взглядом салон. Может, этот самолет и не всамделишный мир, а попросту кино с героями, старающимися заработать на полет первым классом, кино с пилотами, старающимися получить еще одну пилотскую полосочку. Химера. Иллюзия.

Но ведь это и есть настоящий мир людей – и их Бога.

И он, Адам, бывший школьный трусишка, наконец-то отправился драться за них.

Наконец-то.

С тем он и заснул.

Джек Ворон думал о том, что больше некого набирать. И что он устал набирать. Ведь нужны самые лучшие. Другие просто не подойдут.

Но ведь они умрут. То есть нужно отыскать самых лучших, и за то, что они лучшие, обречь на неизбежную жуткую смерть.

Вот же дерьмо.

И ведь они никогда не отказываются. Вот это и самое скверное. Лучшие, когда узнавали, что должно делать, шли и делали.

Делали и умирали.

Дерьмо в квадрате.

Господи милосердный, не отправляй нас снова к ним! Нас осталось всего четверо, плюс парнишка-священник. Одна из нас – женщина средних лет, а другой – тип за шестьдесят, слишком жирный и до неразумия бесстрашный. А третий – лучший человек из всех, кого я знал.

А четвертый – я сам. И это дерьмо в кубе.

Телефон, пожалуйста, не звони!

Самолет приземлился, Джек Ворон одернул себя, напомнил себе о том, что положено какому-никакому, а жожаку, так что, черт возьми, рок-н-ролл! Вынимай свою задницу из самолета и за дело! Вперед!

И не думай про телефон.

Они знали, что явится священник, но ничего не знали о нем. Джек прошел через гейт к Аннабель. Позади чуть поспевал Адам. Ворон наклонился, поцеловал ее и представил: «Народ, это Адам».

– Отец Адам, – решительно поправил священник.

Команда переглянулась и закатила глаза.

– Я – Ее королевское величество Аннабель.

– А я лорд Высокое-дерьмо-свысока, Карл Джоплин.

Адам растерянно заморгал. Ухмыляясь, вперед выступил Кот и пожал руку.

– Не обращайтесь внимания на того человека за занавеской, – доверительно сообщил он. – Я – Великий и Ужасный Гудвин.

С тем все без дальнейших объяснений отправились к багажной ленте. Адам обнаружил, что Аннабель протянула ему руку. Он принял ее и пожал и дальше шел молча.

– Мне нужен вампир, – снова заныл Карл.

– Оно работает? – едва удостоив его взглядом, осведомился Джек.

– Прошлой ночью сработало.

Джек остановился. Все остановились и посмотрели на Карла.

– Ну, говоря по правде, я и не знаю, отчего оно запипикало...

Все двинулись дальше.

– Но оно должно работать, – не унимался Карл. – И его нужно проверить.

– Как оно работает? – захотел узнать Джек.

– Джек, ты же знаешь, что не поймешь.

– Хм, возможно. А как тогда мы должны его проверять?

– Не вы, а я.

– Ох, замечательно. Опять старые песни, – вздохнув, сообщил Джек и покачал головой.

– Черт возьми, Джек, ведь никого больше нету!

– И отчего ты так посчитал?

Они наконец подошли к багажной ленте и остановились. Карл глубоко вдохнул, подтянул штаны и принялся загибать пальцы.

– Ну, Аннабель не участвует, потому что она блюдет всякие наши дневные делишки. А ты, по идее, должен охранять мою задницу, пока я буду работать. А Кот...

– Я бы мог, – лукаво улыбаясь, предложил Кот.

– И что ты знаешь про электромагнитный спектр? – кисло глянув на него, осведомился Карл.

– Я весь спектр поддерживаю! – заверил Кот.

– А что ты знаешь про ЭЭГ? Про мозговые волны?

– Ну, я не силен в серфинге... – хмуро сообщил Кот.

Карл фыркнул:

– Я ж и говорю: Аннабель за рамками, вы с Джеком заняты своим обычным делом. То есть остаюсь только я.

Он умолк, подошел к Джеку и с убийственной серьезностью заявил:

– Послушай, ты сможешь с этой штукой управляться после того, как я ее настрою. Но чтобы настроить, мне надо быть в деле.

Джек молча посмотрел на него.

– Да я правду говорю! – скривившись, поклялся Карл.

Но Джек и не сомневался в его искренности. Он только и мог подумать о том, что опять подставляет лучшего человека и опять тот лезет изо всех сил. Черт возьми, я что, обречен потерять всех?

Он, сам не понимая зачем, крепко обнял Аннабель.

– Я подумаю, – пообещал он.

Но все – кроме разве что Адама – и так поняли, что вопрос закрыт.

Повисла неловкая тишина. Чемоданы еще не выехали на конвейер, хотя снизу и доносились привычные звуки безжалостного швыряния.

Тишину разорвал голос Кота. Тот шлепнул Адама по плечу и объявил:

– Не знаю, как вам, ребята, а по мне, так здорово обзавестись отцом.

Адам неопределенно улыбнулся, Аннабель ухмыльнулась во весь рот.

– Эх, а если б еще нам обзавестись мамой...

– А что не так со мной? – обиженно осведомилась она. – Конечно, если не считать того, что я слишком уж молода.

– Ну-у, – потирая заросший подбородок, Кот окинул взглядом ее безупречный сизосерый костюм, – сейчас у нас не просто отец, а святой, и потому для мамы нам нужен кто-нибудь, э-э, менее похожий на шлюху...

Адам выпучил глаза. Но Аннабель лишь кивнула.

– Наверное, ты прав, – скорбно подтвердила она.

Лишь тогда Адам наконец заметил ухмылки вокруг.

Но Кот еще не унялся.

– ...А не номинировать ли на эту роль Даветт? – изрек он почти без глумления.

– Это кто? – спросил Джек.

– О, это журналистка-расследовательница, явившаяся, чтобы избавить мир от подонков из «Вампиры инкорпорейтед». Кем еще, по-вашему, она может быть? – прорычал Карл.

– А может, она явилась рассказать о нас миру, чтобы нам наконец-то пристойно посочувствовали и помогли, – рассеянно покрутив пальцем в воздухе, предположил Кот. – И, мне кажется, именно в этом и дело! Карл, мы нравимся ей.

– Мы им всем нравимся. И что?

– Вы имеете в виду репортеров? – спросил Адам.

– Именно это они и имеют в виду, – заверила Аннабель.

– Вы не говорили с ними, нет? – вскричал священник.

– Весь вчерашний день, – сладко пропела Аннабель, – и часть прошлой ночи. Она опросила всех, кроме Джека. А теперь опросит и вас, мой дорогой.

Адам застыл вытаращившись.

Команда Ворона снова переглянулась и закатила глаза.

– ...Но вы же ничего им не сказали, да, ничего? – наконец выдавил Адам.

– В общем-то, сказали немного, – улыбнувшись, поведал Кот. – Всего лишь о том, чем мы зарабатываем на жизнь, и как, и для кого, и как их зовут, и как с ними связаться, чтобы подтвердить... ну, и в этом роде.

Адама совсем перекорежило: напрягся, надулся – вот-вот бабахнет. И бабахнул:

– Да как вы могли так болтать направо и налево? Да как вы могли... рассказать ей? Что на вас нашло, что в вас вселилось, что побудило совершить такую глупость?

– Падре, я так вам скажу, – спокойно окинув Адама взглядом, начал Кот. – Я так всегда с прессой. Ну конечно же, вечером она явится к нам домой поговорить с Джеком. А потом вы скажете ей, что я всего лишь вешал лапшу на уши.

Конвейерная лента зарокотала, задвигалась, выплюнула единственный чемодан – Адама. Тот пару секунд пялился на него, рывком сдернул с ленты и пошел прочь.

– И куда ты направился? – захотелось узнать Карлу.

– Снять воротничок, – предположил Джек.

Адам остановился, посмотрел на Джека сперва с удивлением, потом с гневом, буркнул: «Именно так!» И с тем направился в туалет.

– Это, конечно, предположение, – закурив, изрек Кот, – но, как мне кажется, отношение церкви к прессе за последний век не слишком изменилось.

Все заржали.

– Ну, он не такой уж скверный парнишка, – тоже закурив, поведал Джек. – Человек набил ему голову всякой мутью. Он боится, что мы нагоним панику, начнется охота на ведьм и всякое такое.

– И так далее, и тому подобное, – развил мысль Кот. – Тупые болваны. Толика паники нам бы только помогла. Черт возьми, ну ведь вампиры же!

– Это ты меня пытаешься убедить? – осведомился Джек.

Кот криво усмехнулся:

– В общем, да. Но этот парень – конченный болван, если думает, что мы будем послушно скакать под римскую дудку.

Явились прочие чемоданы и мешки. Кот ступил к ленте, чтобы подхватить багаж Джека.

– Но, кстати, даже если и так, его чемодан или пустой, или парнишка дюжий как бык. Ты видел, как он его подхватил?

– А, я думаю, тут у него в порядке. Пацан тренировался. Готовился пойти в великий крестовый поход на вампиров.

– Он мне нравится, – мило и проникновенно произнесла Аннабель.

– И мне тоже, – мило и проникновенно поддакнул Джек.

– Но ослом он себя уже выказал, – хмуро добавил Карл.

– И кто это замечает в наших рядах? – благостно улыбнувшись, осведомился Кот.

Карл фыркнул на него.

– И что насчет этой репортерши? – спросил Джек. – Есть толк?

– Ну, она шикарная, – заметил Кот.

– Молодая. Не больше двадцати двух, – добавила Аннабель.

– На кого она работает? – спросил Джек.

– Ни на кого, – буркнул Карл.

– Ох, Карл, это называется «фрилансер», – поправила Аннабель. – Она надеется продать нашу историю в «Тексас Манфли».

– А что она делает в Калифорнии?

– Она приехала повидать нас, – пожав плечами, ответил Кот. – Она услышала про нас дома, она знает Джима Аткинсона из «Манфли».

– А она знает, что он не сможет напечатать материал про нас?

Кот улыбнулся:

– Я сказал ей. Но, как мне кажется, она не поверила.

– Да, здорово, – вздохнув, подытожил Джек.

– А я упоминал то, что она очень красивая? – осведомился Кот.

– Мне кажется, ты сказал «шикарная».

– О, и это тоже. И еще она странно выглядит.

– Вишневый Кот, как ты можешь говорить такое? – нахмурившись, упрекнула Аннабель и сказала Джеку:

– Очень приятно выглядящая девушка. Очень вежливая, работающая. Она мне нравится.

– Тебе все нравятся, – проворчал Карл.

– Ты мне не нравишься, – указала она.

– Ну, что правда, то правда.

– А что значит «странно выглядит»? – спросил Джек.

Кот затаился, немного поразмыслил.

– Ну, так и не скажу. И это тоже странно. Не то чтобы у нее была грива как у панка или что-то в этом роде... В общем, временами она выглядит как принцесса, такая величественная, недостижимая, чистая.

– А другими временами?

– Другими она напоминает мне жертву групповухи, из последних сил ожидающую, когда заведутся мотоциклы и банда уедет.

Мужчины рассмеялись. Аннабель воскликнула: «Ох, Кот!» И игриво хлопнула по плечу.

Кот изобразил возмущение и потрясение до глубины души, и тут кстати вернулся Адам в гражданском, выглядящий туристом-отпускником.

– Мы готовы? – осведомился он.

– Всегда готовы, – с такой же серьезностью ответил Джек.

Они вышли наружу и забрались в пикап. Кот настоял, чтобы за руль сел Джек. Мол, Кот настолько пьяный, что ему Джек кажется красивым. Тот оставил излишества Кота без ответа.

Зато по дороге он попытался разговорить еще насупленного молодого священника.

– Отец Адам, – начал Ворон.

– Ага! – пропищал Кот с заднего сиденья. – Как тактично!

– Заткнись!

– Так точно, бвана.

Джек начал заново. Он попытался, как посчитали другие, помягче обойтись с парнем. Не стоит вообще беспокоиться об этом, и, если уж на то пошло, о любых других репортажах. Джек рассказал о журналистах, с которыми встречался раньше и давал интервью, и о самих интервью. А заодно и о редакторах, эти интервью безжалостно зарубавших. И о карьерах тех, кто все-таки пытался пропихнуть материалы о вампирах.

Потому что никто не верит в вампиров.

Никто не хочет в них верить.

Не хочет признаваться в том, что верит.

Не хочет, чтобы кто-либо узнал о вере.

И все прочее.

Джек рассказал о прочем во время короткой поездки через Кармел и Дель Монте Форест: о толстой пачке писем с извинениями из-за длинной вереницы отказов, о том, что все-таки было напечатано людьми из «Пытливых разумов». Мгновенно началась глупейшая возня, скандал, и, представьте себе, звонил шериф из Теннесси. Этим самым «Пытливым разумам».

– Так что я бы не стал особо переживать из-за этой девчушки, – закончил Джек. – Кстати, как ее? Иветт?

– Даветт, – поправила Аннабель.

– Угу. В общем, я бы не беспокоился. Ее тоже не напечатают, даже если она нас и обматерит вконец. Отчего-то, знаешь, они не печатают про нас и них. Но...

Джек притормозил у знака «стоп» и посмотрел на священника.

– Но я хотел бы, чтобы напечатали. Парень, это не Рим. Это поле битвы. И если я бы мог попасть на «Доброе утро, Америка» прямо завтра, то я бы с удовольствием попал. Одна из самых больших наших проблем – недоверие. Когда люди начинают верить, уже бывает поздно.

Но если б они знали, кому можно позвонить без того, чтобы проходить весь этот кошмар с федералами, церковью и еще черт знает кем... знаешь, чаще всего местные святоши вообще не хотят слушать. Но если бы люди знали, кто может внимательно выслушать, и мы бы смогли отреагировать всего-то на чертов день или два раньше – мы бы могли спасти кучу жизней. Понимаешь?

Адам прокашлялся.

– ...М-м, да, конечно, если оно так...

– Сынок, так не пойдет, – отчеканил Джек. – Или да – или нет. По-другому никак. Ты с нами или с кем-то еще? Да или нет?

Священник пару секунд молча глядел в лобовое стекло. Затем он посмотрел на Аннабель. Та тепло улыбнулась. Затем он перевел взгляд на Джека.

– Да, сэр.

За ними засигналила машина – мол, двигайте. Они двинулись.

Через несколько минут Джек свернул со знаменитых «17 миль» на боковую дорогу, карабкающуюся по склону холма над полем для гольфа «Пebbл-Бич». За ним сверкал синевой Кэннел Бей. Снизу располагались небольшие загородные дома, а сам хребет заняли поместья, отгороженные стенами, просторные, красивые, с могучими соснами, теннисными кортами, двориками будто с открыток и жрущими цветы оленями. Команда Ворона облюбовала чуть ли не самый большой особняк на хребте: громада в тюдоровском стиле поодаль от дороги, с крыльями и флигелями, двухэтажным гаражом на пять машин, японским садиком у испускающего пар бассейна на заднем дворе, и еще восемь акров земли, чтобы порезвиться.

– Настоящий дворец, – объезжая припаркованную машину и сворачивая в проезд, подумал Джек. – И, как ни странно, раньше он не казался таким просторным.

Но это было раньше.

И не надо думать про телефон.

Кот с Аннабель вывернули шеи – рассматривали что-то позади.

– Она? – спросила Аннабель.

– Похоже. Ее машина, – ответил Кот.

– Вы о ком? – спросил Джек.

– Это Даветт, – ответила Аннабель. – Она, наверное, ожидала, пока мы привезем Джека из аэропорта, и заснула.

– Хотите, сбегаю приведу? – предложил Кот.

– Нет! – отрезала Аннабель.

Джек завернул машину на пустующее место в гараже и удивленно посмотрел на Аннабель.

– Мне казалось, она нравится тебе.

– Да. Но мы уезжаем через шесть часов, и я хочу сперва взять у тебя данные. Потом можешь и поговорить.

Взять данные...

Джек сжался за рулем. Его окатила волна жгучего болезненного стыда. Взять данные – значит, загипнотизировать, заставить в мельчайших деталях вспомнить весь кошмар двухнедельной давности. Или он случился только вчера? Заставить выслушать, записать на пленку все до последней мелочи, потому что каждая мелочь может оказаться важной. Никто ни черта про вампиров не знает, и потому надо записывать все, изучать, узнавать... Энтони, о боже! Я не хочу это вспоминать!

– А вы еще не записали отчет о последней работе? – спросил отец Адам.

Память Джека послушно пришла на помощь, забила в темный угол.

– Наверное же, записал, – вяло промямлил он, бледный, вспотевший, и нерешительно заглянул ей в глаза. – Разве нет?

– Нет, – лаконично и тихо, но решительно объявила Аннабель.

Это значило, что она любит и понимает Джека, но ему все равно придется вспоминать.

Джек закрыл глаза и подождал, пока откатит волна.

Он же и не вспоминал. И не пытался вспомнить. Тем более всё до последней мелочи.

Ни разу.

По крайней мере, когда бодрствовал.

– А как так вышло, что ты знаешь про записи? – настороженно осведомился Карл.

И тут Джек очнулся. Я ж их вождь. От меня зависят. Рок, мать твою, энд ролл.

Джек повернулся и посмотрел на Карла.

– Этот парень и собирает пленки для Человека – уже три года как.

Он заметил, что внезапно заинтересовавшийся Кот аж подался вперед, впился глазами в того, кто, как оказалось, знает все их боевые секреты и страхи.

Но Кот лишь изрек «ох» и откинулся на спинку сиденья.

– Ладно, – буркнул Джек и распахнул дверцу, а потом повторил уже спокойней для Аннабель: – Ладно.

Затем они все полезли наружу, взялись за чемоданы и побрели по дорожке ко входной двери.

– Шесть часов, да? – ни к кому конкретно не обращаясь, спросил Джек. – Вы уже всё перевезли?

– Если бы мы тебе могли вовремя сообщить, ты мог бы лететь прямо в Даллас, – радостно объявила Аннабель. – У Карла осталась только одна порция груза.

– Оружие, – пояснил тот. – Арбалеты и все такое. Завтра отправлю их в Даллас на грузовике. Тупые федералы! Боятся, что кто-то из-за ящика со средневековым оружием угонит самолет «Pan American» на Кубу.

Он рассмеялся. Оба остановились на первой ступеньке крыльца. Джеку показалось, что телефон уже звонит. Он попытался улыбнуться. Остальные столпились перед дверью, и Джек понял: не телефон. Просто звякают ключи.

– Забавно, что, если бы там были пушки, которых и так уже все боятся до чертиков, федералы бы так не переполошились, – сообщил Карл и снова рассмеялся: – Джек, нам надо переходить на пушки.

Джек, торопливо ступивший в большое пустое фойе вместе с остальными, подумал, что и в самом деле – почему не пушки?

Да, почему? Ведь пушки. Пушки!

– Пушки?! – чуть не выкрикнул он.

Все встревожились, повернулись, в замешательстве уставились на него.

– Что? – спросил Карл.

– Пушки!

– Пушки?

Джек обнял его и вскричал:

– Ну да! Чертовы пистолеты, винтовки, дробовики! Ты разве не видишь?

– Пистолеты, хм...

– Рок-н-ролл, ребята!

Глава 5

Они сидели в баре, окруженные остатками выпивки, наблюдали глумливое веселье Джека и поневоле играли в его угадайку.

Карл просто излучал раздражение. Аннабель скучала, Кота происходящее забавляло. Адам пребывал во все том же ошеломленном состоянии, в каком явился из Рима. А Джек...

Он так веселился, что всем, в общем, было плевать на его загадки.

Кот подумал, что Джек наконец-то вернулся. А когда он заметил тот же невнятный, пьяноватый восторг в глазах товарищей, понял: они чувствуют то же самое.

– Ну смотрите, – снова заговорил Джек и водрузил ноги на ограждение барной стойки с грохотом, гулко раскатившимся по залу. – Осталось всего лишь свести воедино пару кусочков.

Он посмотрел на их пустые бездумные лица и умудрился из своей ухмылки изобразить улыбку.

– Ладно, класс. Начинаем урок заново.

Урок начался. И на этот раз они начали понимать.

...Помните ту дыру от пули шерифа во лбу твари? Дыра так быстро затягивалась. И в нее затекла кровь из раны, оставленной на лбу крестом отца Эрнандеса. Ведь так?

Все молчали.

– Так? – переспросил Джек.

– Так, – медленно повторил Кот. – И что?

– И что, черт возьми? – пробурчал Карл.

Внезапно понявший Кот подался вперед и выпалил:

– Порез не исцелился!

– От креста, – продолжил Адам.

– От святого серебряного креста, – поправил Джек. – Но ведь рана от пули уже закрывалась!

Карла вдруг осенило, и он даже подпрыгнул, громко хлопнул ладонью по стойке.

– А, ну вот, ты увидел, – лукаво ухмыляясь, констатировал Джек.

– Да я видел и раньше, я просто поверить не мог, – с отвращением выговорил Карл.

– Да я тоже не поверил, – застонав, сообщил изумленный Кот и тоже ухмыльнулся.

– Если кто-нибудь не скажет мне тотчас же, что происходит... – угрожающе начала Аннабель.

– Ха, происходит туча пыли и йо-хо-хо – гребаные серебряные пули! – подавшись вперед от избытка чувств, завопил Кот.

Все рассмеялись – кроме Аннабель. Она рассердилась.

– Ради бога, кто-нибудь, наконец, скажет мне, в чем дело?

– Серебряные пули, – ответил отец Адам, затем кивнул Джеку и уточнил: – Святые серебряные пули, благословленные церковью.

– Но я думала, что серебряные пули – это для оборотней, – заметила Аннабель.

– Да, для них, – спокойно подтвердил отец Адам.

Джек подумал, что священник сказал это слишком уж спокойно, потому поднял руку, предупреждая вопросы, и гаркнул:

– Нет! Адам, я не хочу ничего знать об этом!

Тот улыбнулся, посмотрел в свой бокал.

– Ты меня слышишь?

– Слышу, конечно.

– Хорошо. Карл, ты можешь отлить пули?

– Конечно, могу, – самодовольно ухмыльнувшись, ответил Карл и уселся. – Но кто-нибудь здесь, кроме меня, умеет стрелять?

– Джоппин, ты не идешь, – хмурясь, напомнил Джек. – Ты – наш основной. Сколько уже раз я говорил...

– Теперь не так, – не унимался Карл. – Я – снайпер. Кто-нибудь другой может...

Джек упер локти в стойку и смотрел на Карла до тех пор, пока тот не потупился, а затем тихо сказал – будто вбил последний гвоздь:

– Друг мой, этого не будет.

Кот подобные демонстрации силы ненавидел.

– Ну, черт возьми, а ты что, можешь стрелять?

– Когда меня позвал Дядя Сэм, я неплохо отстрелялся.

Карл фыркнул:

– Неплохо, мать моя, отстрелялся. Ну, дерьмо. Для Дяди Сэма любой, кто не стреляет себе в ногу, уже неплох.

– Тогда у меня для всех вас хорошая новость, – лучезарно объявил Кот. – Значит, по меркам нашей любимой страны, я неплохой стрелок!

– Что, так скверно? – вздохнув, осведомился Джек.

– Скверновато, – мило улыбнувшись, подтвердил Кот. – В амбарную стену я, наверное, попаду шагов с десяти, но...

– Что «но»?

– Притом лучше б я был внутри амбара, а не снаружи... чтобы уж наверняка, знаешь.

– Замечательно, – похвалил Джек и закрыл лицо руками.

– Джек, но я... – начал Карл.

– Карл, заткнись. Ты не будешь стрелять.

– Ох, верзила наш, ладно, – вдруг согласился Карл и рассмеялся. – Но мне ж придется вас учить! Ну, разве только вы, святой отец, не стрелковый ас.

– Этому в семинарии не учат, – улыбнувшись, ответил Адам.

– Потому я и не пошел туда, – поддакнул Кот.

– Вишневый Кот, молчать, – скомандовал Джек. – Карл прав. Нам нужно тренироваться. Скажи-ка мне, Зоркий Глаз, сколько нам времени потребуется натаскаться до твоего уровня?

– Вечность, – отпив, определил Карл и поднял руку, предупреждая возражения Джека. – Джек, я серьезно. Это особый, очень специальный инструмент. К нему нужна привычка, особый подход. По мне, так вам он не слишком нужен, так, на экстренный случай. Джек, твои чертовы арбалеты слишком несподручны, в спешке не перезарядишь, а Коту нужно что-то, помимо его кольев и деревянных ножей. Да ему всегда это надо было.

Он откинулся на спинку, опустошил свой стакан.

– Никто из вас не умеет стрелять так, чтобы стрельба в самом деле могла разрешить внезапные сложности и сделать дело. Если б вы были настолько хороши, сами бы понимали это. Я могу вас научить, и вы станете лучше – это да. Но если серьезно, то вам нужен настоящий стрелок.

– Ты же говорил, что нужны, самое малое, двое, – напомнила Аннабель.

– Да, по меньшей мере, – подтвердил Джек.

– И один лучше бы был стрелком, – добавил Карл.

– А лучше двое, – сказал Адам.

– Лучше двое, – согласился Джек.

Карл побрякал ледышками в пустом стакане. Джек долил.

– Но проблема в том, – произнес Карл почти про себя, – что парень, который нам нужен, – он вряд ли к нам впишется. А кто впишется, вряд ли будет стрелком, каким надо.

– И нечего стыдиться того, что мы не умеем стрелять по людям, – буркнула Аннабель.

– Ну да, – согласился Карл.

– А ты умеешь.

– Да, умею, – подтвердил Карл и отпил. – Я хорошо стреляю из пистолета. Но настоящие стрелки... хм... а для нашей работы нужны настоящие стрелки. Знаешь, они совсем не такие, как я.

– Ну, провалиться мне, – сказал Джек и вдруг встал.

Он ухмыльнулся, обвел команду взглядом и сказал Карлу:

– Карлос, амиго, все, что ты говоришь сегодня, мне кое о чем напоминает. Серебряные пули, и вот теперь...

– Стрелок? – вставила Аннабель.

Джек проигнорировал вопрос.

– Адам, позвони Человеку. Пусть срочно пришлет в Даллас серебро. Аннабель, дай ему адрес.

– Я могу достать серебро и тут, – возразил Карл. – Парень может благословить его?

– Парень, хм, – сказал Адам. – Нужен, по крайней мере, епископ.

– Ладно. Звони Человеку. Пусть пришлет пару слитков, – велел Джек. – Эй, а как насчет дробовика? С ним может обращаться любой. Или М-16...

Адам покачал головой.

– Нужна одна пуля, причем маленькая. И она должна быть частью креста.

– Откуда ты знаешь? – полюбопытствовал Карл.

– Неважно, – отмахнулся Джек. – Насколько малой должна быть пуля?

– Любая пистолетная.

Джек смотрел в спокойное, уверенное лицо отца Адама и думал о том, что парень знает свое дело.

– Пусть он вышлет нам на тысячу патронов.

– И сколько это? – улыбнувшись, спросил Адам.

– Узнаем, когда приедет серебро. Карл, ты уверен, что сможешь расплавить серебро и отлить нужные пули?

– Отвали, – фыркнул Карл.

Ухмыляющийся Кот наклонился к Адаму.

– Позволь мне перевести. «Отвали» у нас значит «конечно же, мистер Ворон! Я удивлен тем, что вы спросили».

Адам тут же улыбнулся, но рассеянно и как-то невпопад.

– Ты еще с нами? – осведомился заметивший Карл и усмехнулся.

– Извините, я просто задумался, – тряхнув головой, смущенно пояснил Адам и посмотрел на Джека: – Уже четыре сотни лет... на самом деле, конечно, дольше, но записи существуют за последние четыре сотни лет. Все это время люди дрались с вампирами, и никто никогда не подумал использовать против них серебряные пули. ...Его Святейшество был прав. У вас отличные инстинкты.

Адам покраснел и отхлебнул.

Когда Кот увидел, что Джек тоже покраснел, то почти рассмеялся. Но все-таки, слава Богу, не рассмеялся.

– Ну да, – промямлил он, но вдруг стряхнул смущение, поднял бокал и начал тост. Все подняли свои бокалы и стаканы.

– За великих! – провозгласил он.

– Которых осталось так чертовски мало, – в унисон вставили Кот, Аннабель и Карл.

Они переглянулись, Адам заметил: между ними будто проскочило что-то неизменно тоскливое, печальное. То же самое у всех. И что это?.. Адам задумался и вдруг понял: это усталость.

Терзающая душу, ноющая болью в костях, изнуряющая усталость. Потому что их война никогда не закончится.

– Так расскажите мне про этот дом в Большом Далласе! – вскричал Джек, снова без малого радостный. – Сколько спален?

Чертов тост прозвучал слишком уж больно в огромном пустом особняке.

Аннабель протянула пустой стакан.

– Семь. И очень симпатичных.

– Есть даже комната для хобби Карла, – лукаво ухмыляясь, добавил Кот.

– Хобби, в мою задницу! – допив, буркнул Карл.

– Я постараюсь, – с каменным лицом пообещал Кот. – Но у тебя такая большая задница. А у меня такой маленький хобби.

– Дети! – с деланой строгостью завопила Аннабель.

– Правильно, хватит цапаться, – поддержал Джек.

Он домешал коктейли и вышел из-за стойки.

– Аннабель, ладно. Давай уже покончим с нашей работой.

– Хочешь прямо сейчас записывать?

– Да. Сделать и забыть.

– Но нельзя же пьяным!

Он, крепкий будто медведь, обнял ее, поднял со стула и поставил на пол.

– Юная леди, вы бы удивились тому, сколько я всего наделал пьяным.

– Я бы не удивилась, – поправляя юбку, отрезала она.

– Черт возьми, я даже бился с вампирами пьяным.

Она сурово, как школьная учительница, глянула на него и объявила:

– Ты никогда не шел на бой пьяным.

– Это да, – кивнув поддакнул Джек. – Но если дела так пойдут и дальше, я начну.

Затем они рука об руку вымаршировали из комнаты. А Кот с Карлом остались и завели беседу с юным отцом Адамом, чтобы выяснить, на что он годен, и немедленно, к великому своему смущению, выяснили: он считает их героями. Нет, вот так: Героями – человечества, церкви, Героями Бога.

Жуть.

Кот мало того что был готов провалиться, так еще и глубоко озадачился. Парень слушал записи, и все еще считает Кота героем? Он знает, сколько раз я бывал перепуган до смерти и как орал? А я ведь орал и на запись. Аннабель говорила, что однажды под гипнозом я как заору! И он так и думает, что я герой?

Кот налил себе еще и с подозрением уставился на молодого священника. И подумал про себя, что святоша, не иначе, замыслил нехорошее.

Карл тоже чувствовал себя ничтожеством. Хоть и не до такой степени, как Кот. Когда ты техник, а не боец, молодой святоша не так мощно пожирает тебя глазами. Хотя, конечно, все равно слишком уж сокрушающее обожание.

Кот с Карлом узнали многое. И прежде всего то, что Адам был хорошим священником и человеком, крепким в вере, со всеми вытекающими, и истым бойскаутом, всегда спешащим на правое дело.

Наверное, слишком уж спешащим, но, может, это и правильно для той дурацкой работы, которой занимается Команда?

Родился будущий отец Адам под именем Адам Ларранс в Беркли, Калифорния, вырос там и пропитался местным духом, а заодно и левыми убеждениями тамошнего молодого священства: теология свободы для народных масс Центральной и Южной Америки, ограничение оборота оружия, запрет смертной казни, освобождение женщин, две мировые сверхдержавы – два одинаковых зла, и, конечно, надо побольше социальной помощи. Но несмотря на все это

и плюс к тому убеждение в пользе ненасилия, парень знал, зачем явился сюда: убивать вампиров. Просто убивать. Он не хотел «социализироваться» с ними, получать для них социалку, добиваться для них бесплатной психиатрической помощи или, прости Господи, возвращать их к Нему.

Адам хотел прикончить их, вычистить, стереть с лица Земли.

Он хотел, чтобы их не было.

Чертов недоросль даже выучился стрелять из арбалета. И да, Адам и в самом деле верил в то, что серебряные пули заработают. И, что замечательно, не стал раскрывать причин своей веры. Конечно, он мог и проболтаться, но пока Команде удавалось не впутываться в работу с оборотнями.

Затем парень учинил кое-что еще, удивившее, смутившее и обрадовавшее. Он встал, чтобы идти в туалет, но не пошел сразу, а повернулся и сказал:

– Я хотел сказать, что в аэропорту, когда обсуждали насчет репортера, я вел себя как последний засранец. Я поступил неправильно. Потому я искренне прошу прощения.

С тем и удалился мочиться.

Кот с Карлом молча переглянулись и нахмурились. Затем Карл вытащил из бара еще выпивки, оба принялись отхлебывать и глядеть в пустоту. И молчать.

Адам вскоре вернулся и занял свое место в треугольнике. Священник слегка нервничал и тоже молчал. Наконец Карл посмотрел Коту в глаза и сказал Адаму:

– Если ты с такой легкостью будешь извиняться, тебя будет неинтересно подначивать.

Вернулась Аннабель и сообщила, что они с Карлом уже всё закончили. Кот подумал, что она выглядит чертовски хорошо, учитывая обстоятельства. Да, она слегка бледновата и не в себе, но в общем очень неплохо.

Может, такое и лучше проделывать выпившим. Тут Кот напомнил себе, что она уже отплакала за всех.

Она сообщила о том, что Джек мирно спит и пребудет в таком состоянии еще в точности сорок три минуты.

«Ага! Значит тебе, красотка Аннабель, потребовалось семнадцать минут, чтобы привести себя в порядок перед тем, как идти к нам. Но все равно, Анни, ты отлично управилась. Считай, что я погладил тебя по головке».

Но Кот все равно тревожился о Джеке.

– С ним всё в порядке? – тихо спросил он.

Аннабель удивленно посмотрела на него, затем ободряюще улыбнулась:

– Вишневым, ты же его слышал.

– ...Ну да, – поразмыслив, подтвердил он и улыбнулся себе под нос.

– А это кто? – спросил глядящий в витражное окно отец Адам.

Все повернулись и посмотрели. По дорожке ко входной двери брела девушка с очень светлыми волосами, в помятой одежде. Она пыталась одновременно эту одежду разгладить, проверить макияж в ручном зеркальце и пощупать языком зубы, попробовать, чистые ли.

– Ага! – поднимая бокал, провозгласил Карл. – Явилась пресса.

– Репортер? – нервно спросил Адам.

– Угу, – ответил Кот. – Похоже, она провела ночь в машине в ожидании нас. Или в любом случае изрядную часть дня.

– Благослови ее, Боже, – подумала вслух Аннабель. – Должно быть, она отчаянно хочет этого интервью.

Она посмотрела на Адама и добавила:

– Расслабься, дорогой. Мы не скажем ей, что ты священник.

– Ну, если она хороша, то сама выяснит, – заметил Карл. – Лучше уж поставить условие помалкивать насчет этого факта. Как они говорят, не на камеру.

– А если она не станет помалкивать?

– Ну, нам не впервой, – ухмыляясь, заметил Кот.

– Ох, я думаю, она смолчит, – высказалась Аннабель.

– Но если все-таки нет? – упорствовал отец Адам.

– Тогда мы завяжем ей сиськи узлом, – рывкнул Карл и залпом допил. – Причем за спиной. Эй, кто-нибудь собирается ей открывать?

Кто-то пошел и открыл. Кот проводил гостью до бара, предложил выпить. Она отказалась. Она выглядела нервной, растерянной, и...

И, как понял Адам, невероятно красивой. Невероятно красивой, но и хрупкой, а еще, как и сказал Кот, по-королевски величественной. Словно коснуться ее – ужасно и непростительно.

Так странно. Не то, чтобы Адаму она казалась привлекательней и сексуальней священников, но ауру притягательности он ощущал. Боже, какой из нее выйдет замечательный репортер! Люди расскажут ей что угодно.

Он встал, когда его представляли. Аннабель назвала его просто Адамом Ларрансом. Ладонь девушки была прохладной, взгляд казался теплым, дружелюбным, но пронизательным, даже давящим. Такое приходит только с опытом и невзгодами. Интересно, откуда они у нее?

Повисла неловкая пауза. Аннабель похлопала ладонью по стулу рядом с собой. Гостья присела. У Адама с чего-то закружилась голова, он пихнул Карла Джоплина. Тот посмотрел на священника, распознал неловкость, затем не слишком натурально изобразил усталую скуку и принялся объяснять девушке, кто такой и что такое Адам и что именно может она написать об этом – если точнее, то абсолютный ноль.

Про возможную судьбу сисек он не упомянул.

Да и не потребовалось. Пусть тут все дружелюбные и вежливые, и она, Даветт, им нравится (это она ощутила сразу). Но она поняла с одного взгляда: предупреждают всерьез. О священнике не писать! Даветт пыталась утешиться мыслью о том, что и не собиралась. Но в любом случае факт: теперь с Командой самый настоящий священник – и это меняет многое.

Ох, что за люди. Она никогда не видела подобного сборища. От них прямо так и разило здоровьем ярдов на десять во все стороны. Не совсем физическим, хотя все, за исключением Карла, казались спортивными. И не то чтобы они были так уж уравновешены и умственно превосходны.

Наверное, тут как раз и уместно сказать, что здоровьем душевным. В прямом смысле этого слова: здоровые души.

Наверное, такое бывает, когда искренне считаешь себя кем-то вроде крестоносца, частью Добра, поднявшегося против Зла.

– А мистер Ворон тут? – спросила она уже прикорнувшего Кота.

– А?

– Мистер Ворон тут? – улыбнувшись, переспросила она.

– Скоро спустится, – буркнул Кот.

Затем они говорили о Далласе. Команда переезжала туда, а Даветт там жила. Она пересекла полстраны, просто чтобы повидаться с Командой.

– Это не та история, на которую натыкаешься каждый день, – пояснила девушка.

Они говорили про рестораны в Далласе, о тех, кого знали в Далласе, и известных техасцах в общем. Оказалось, что Даветт была Даветт Шэндс из когда-то знаменитого семейства Шэндс по прозвищу «Нефтяное поле».

– Но сейчас уже ничего такого нет, – виновато улыбнувшись, заверила она.

Аннабель усомнилась в том. Девушка была богатой всю жизнь, и, похоже, будет. Потом Аннабель одернула себя. Зависть и злость – скверные чувства.

Адам улыбался, слушая светскую болтовню, но сам не сказал и слова.

– А, он у нас в ауте. Кажется, он уже встречался с репортерами, – объяснил Карл, наметив себе очередную дозу.

– Мистер Джоуплин, по-вашему, все репортеры нечестны? – спросила девушка.

– Хм, многое зависит от того, это еще репортер или уже журналист, – глубокомысленно изрек Карл.

– А какая разница? – попытавшись улыбнуться, спросила Даветт.

– Репортеры лгут ради лучшего материала и перспективы стать журналистами.

– А журналисты уже не лгут?

– Хм, тоже лгут. Но исключительно из сочувствия и ради заботы о близких.

Она довольно-таки непринужденно рассмеялась вместе с остальными. Кот подумал, что выходит неплохо.

Аннабель посмотрела на часы. Через несколько минут явится Джек. Они поболтали еще немного и услышали странную историю от Даветт. Похоже, в колледже она была главным редактором местной газеты, но прошлой весной бросила занятия, в последнем семестре последнего года. То есть она совсем бросила учебу и вернулась домой работать.

– Мне понадобилось, э-э, пошевелить задним местом, – снисходительно улыбнувшись, пояснила она. – Повидать настоящую жизнь.

Кот застонал про себя. «Боже. Ненавижу, когда меня разводят».

Огромные дубовые двери распахнулись, и в зал ворвался Джек, свежий, взбодрившийся и алчный. Карл изобразил бармена, а Джек познакомился с Даветт, крепко сжал ей руку, потряс и объявил, какая та красotka. Похоже, она привыкла, что все обычно вокруг да около, а не так прямо, и заметно смутилась.

– Юная леди, вы хотите взять у меня интервью?

– Почему бы и нет? Подходящее время.

– Оно будет подходящее еще пару часов, а затем мы ноги в руки – и ходу отсюда. Так что приступим.

С тем они и покинули зал.

Глава 6

- Что думаете? – спросил Кот после того, как они ушли.
- Хотелось бы знать, за что ее вышибли из колледжа, – заметил Карл.
- И мне, – поддержала Аннабель.
- О Боже, пусть это будет проституция, – взмолился Кот.

– Это не та работа, от которой можно отказаться, – ответил Джек уже с немалой долей раздражения.

Они стояли в центральном коридоре напротив друг друга, опершись о стены, и глядели друг другу в лицо.

- Но почему нет?

Джек задумался, затем сформулировал:

- Чтобы понять, сначала придется поверить.

Девушка отвернулась, но тут же снова посмотрела на Джека.

- Вы же сами знаете, поверить в такое трудно.

Боже ж ты мой! Джек внезапно понял: а она-то верит! Взаправду верит.

Или очень хорошо старается.

- Кстати, а кто навел вас на нашу Команду? – осведомился он.

Она улыбнулась.

– Старый друг нашей семьи владеет еженедельной газетой, освещавшей вашу последнюю, э-э, работу. Я приехала в этот городишко... да, простите, как он называется?

- Брэдшоу, Индиана.

– Да, Брэдшоу. Я попала туда через два дня после вас, – хмурясь, сообщила она. – Но никто уже не захотел говорить со мной. Однако я раздобыла ваш адрес.

- Вам повезло с опозданием.

- Я слышала, у вас были проблемы.

- Были, – отпив, согласился Джек.

- Кто-то пострадал?

- Семеро.

- И как пострадали?

- Умерли. Семь трупов.

Она побледнела:

- Да вы шутите! Не может быть.

Джек не ответил, только посмотрел. Повисло молчание. Похоже, бедную девицу наконец проняло.

- ...Позвольте дать вам один маленький совет, – предложил Джек.

- Какой же?

- Отнеситесь всерьез. Это все – оно настоящее.

Они снова замолчали.

- ...Я и не знаю, что тут сказать. И сделать, – призналась девушка.

Джек выпрямился, расправил плечи. Всё, пока кончать с унынием.

– Я знаю, что вы можете сделать. Я расскажу, что вы могли бы напечатать, хотя и сомневаюсь в том, что вы это хоть где-нибудь сумеете напечатать.

Он опустошил свой стакан и поставил на ковер.

- Блокнот у вас с собой?

- У меня диктофон.

Она покопалась в сумочке и вытащила приборчик.

– Ну и чудно, – заметил он, ухмыльнулся, вставил посреди ухмылки сигарету и закурил. – Я вам устрою тур по нашему житью-бытью.

Она робко улыбнулась, повела рукой.

– Такой большой дом. Сколько здесь спален?

– На семь больше, чем нужно.

– Ох, – глядя на ряды дверей, тихо выдохнула она.

Четыре с одной стороны, три – с другой.

– Не отчаивайтесь, – посоветовал Джек. – Сейчас время дифирамбов.

Он заговорил. И очень скоро Даветт поняла, что до конца жизни не сможет забыть услышанное. Он все время ухмылялся, непрерывно курил, шагал от двери к двери и у каждой рассказывал невозможные, скабрзные, дикие, безнадежно смешные и непременно неприличные истории про погибших хозяев этих комнат. Даветт улыбалась, но не могла по-настоящему смеяться, покорно плелась следом, завороченная, жадно впитывающая каждое слово и жест.

Джек Ворон рассказывал и не стесняясь плакал. Но не захлебывался слезами, не всхлипывал, даже не позволял слезам перебивать смех. Джек изображал то пьяного, то ребенка, то смертельную серьезность.

Даветт была целиком захвачена, покорена его безмерной, свирепой гордостью за свою Команду, за тех, кто ушел навсегда. Нет, такое невозможно забыть. Джек тоже радовался, рассказывая, – и понимал, что чувствует Даветт. И радовался ее восхищению и благоговению. Он полтора часа играл, показывал, переживал, веселился – и, когда наконец закончил, оба выбились из сил.

В коридоре возник Кот, напомнил о том, что самолет готов к отлету, и был таков. Джек сказал девушке, куда они собираются.

Она сказала, что знает. Ведь она именно оттуда, из Далласа.

Он сказал, что скучает по Техасу. Даветт сказала, что тоже.

Повисла долгая пауза. На первом этаже заорал рок-н-ролл.

– Так почему б тебе не с нами? – спросил Джек.

Она посмотрела на него, склонив голову – прислушивалась к тому, что доносилось снизу.

– Я с вами, – ответила она.

И в самом деле полетела с ними.

Глава 7

Они пропускали по стаканчику-другому в баре аэропорта в Лос-Анжелесе в ожидании самолета на Даллас. И тут явилась пара студенток в аквамариновых шортах и с глубоким экваториальным загаром, сопровождаемая парой таких же загорелых ребят в сомбреро с вышитой надписью «Акапулько».

Джека Ворона, собравшегося загружаться в пятый за сутки самолет, слегка ошалевшего от самолетного сна и самолетных угощений, полностью выбившегося из ритма и пропустившего пару-тройку доз выпивки, явление загорелых гостей наполнило вдохновением.

– Вот куда мы должны лететь! – объявил он. – В Акапулько! А лучше в Канкун или на Исла де Мухерес! В любом случае, мы будем еще недели две обживать новое жилище.

– Мы уже зарегистрировали наш багаж до Далласа, – напомнил Кот.

Джек нахмурился. Ну никакого энтузиазма в человеке!

– Мы можем полететь туда и из Далласа! – провозгласил Джек.

– Не-а, – буркнул Карл. – Мне еще надо с пулями этими.

– Хм, ну да, – посмотрев на него, заключил Джек. – Но остальные-то могут! Аннабель?

– А кто вам будет обживать новое жилище? – сдержанно улыбнувшись, отозвалась та и героическим тоном добавила: – А остальные, конечно, могут туда.

– Эх, нет, – глядя в стакан, решил Джек.

– Джек, ну ты же можешь, – уже широко улыбаясь, указала Аннабель. – Ты же и так чемоданы даже и не распаковывал.

– Это не значит, что я не хочу быть поблизости от тебя, когда ты займешься обживанием.

– И насколько поблизости?

– Думаю, я остановлюсь в отеле «Адольфус» в центре города, – объявил Джек и посмотрел на остальных. – Думаю, что и вы остановитесь там же на пару дней.

– Ну, если ты так хочешь, – потягивая из соломинки, объявила Аннабель.

Карл сцепил руки на обширном брюхе и бормотал под нос. Адам уселся рядом и наклонился, чтобы расслышать.

– В чем дело? – с тревогой осведомился он.

– Падре, я не понимаю, – провозгласил Карл.

– Мистер Джоплин, в чем дело?

– Зови меня Карл.

– Хорошо, Карл. В чем дело?

– Мой стакан, – изрек Карл и указал на свой стакан.

– Он пуст, – заметил Адам.

– Вот этого я и не понимаю, – скорбно изрек Карл. – А ведь минуту назад он был полон! Адам посмотрел, затем просветленно ухмыльнулся.

– О боже! – в притворном ужасе вскричал Кот и оттолкнул свой опустевший стакан. – И с моим тоже так!

Карл с Котом понимающе переглянулись и замурлыкали вполголоса тему из «Сумеречной зоны».

Все рассмеялись – кроме Джека. Тот закрыл лицо ладонями и скорбно покачал головой.

– О моя Команда! – пожаловался он и затем крикнул пробегавшей мимо официантке: – Медсестра! Еще по одной всем – для скорой помощи!

Чтобы спастись от самолетной еды, на борту они собрались в салоне первого класса. Джек был уверен: еще один такой обед, и на всю жизнь останешься левшой. Так что Команда пила, болтала и играла в карты. Джек снова вспомнил про Мексику, но странным образом и со странным выражением на лице.

– Мне случилось работать в Мексике, – обронил он и умолк – явно дожидался просьбы продолжить рассказ.

Даветт тут же отреагировала, к удивлению Команды Ворона. Неужто она уже так хорошо его узнала, научилась распознавать этот лихорадочный блеск в глазах?

Кот свернулся калачиком в кресле, будто настоящий кот, приготовился не пропустить ни слова и подумал о том, что начинается странное и интересное. Но мысли свои оставил при себе.

Да и к чему разговоры? Все знающие Джека подумали то же самое.

И сам Джек тоже подумал так.

А еще он подумал, что остальным лучше побыстрее узнать, приучиться и привыкнуть. Без того трудно его, Джека, понять. Вообще-то, его и с тем трудно понять. Но они, по крайней мере, хоть отчасти узнают, зачем он, Джек, собирается тянуть в Команду того, кого потянет в скором времени.

Им всем придется узнать. И лучше сперва рассказать про хорошее, потому что хорошего в этой истории – кот заплакал.

Джек улыбнулся и сообщил:

– Это произошло на начальной стадии моей правительственной карьеры.

Карл нахмурился, но промолчал.

– То бишь до того, как ты пошел в армию, – уточнила Аннабель.

– Нет, после.

– Но ты же сказал, что на начальной...

– Ну да, на начальном этапе моей работы на правительство, – улыбнувшись, уточнил он.

– А это значит? – обронил Карл, изобразив неимоверную скуку.

– А это значит, что я работал под глубоким прикрытием на национальную безопасность по заданию ЦРУ как агент отдела по борьбе с наркотиками.

– И что, черт возьми, это должно значить? – буркнул Карл.

– Ну, моей работой было проверить кубинские связи с производителями бурого сырого мексиканского героина, и потому я шлялся вдоль границы и пытался выяснить правдивость слухов о большой зачистке контрабандистов-хиппи.

– И они оказались правдивыми?

– Да. Большие ребята освобождали дорогу для больших монопольных денег и отстреливали дилетантов.

– И что ты сделал?

Джек пожал плечами, усмехнулся.

– Большей частью я путался под ногами. Тупое задание, дурацкая идея послать с ним меня. Мне нравились ребята из безопасности, но они не доверяли мне. Мне нравились цэр-эушники, но они не доверяли и друг другу. Я боялся людей из наркоотдела, те меня ненавидели, но терпели из-за приказа сверху. В общем, бардак.

Он замолчал, обвел всех взглядом и широко улыбнулся.

– Но у меня была интересная пара недель.

Кот подумал, что, ага, вот оно, главное. И обвел взглядом Команду и прочих. Как они воспримут то, что Джек собирается невзначай вывалить?

А потом Кот вспомнил, что Джек когда-то вывалил на него, Кота, впервые и с размаху. Мда, воспоминание. Конечно, и ребятам надо привыкать, и все когда-нибудь происходит впервые, но...

Но стрёмно отчего-то, честное слово.

И тут Джек заговорил.

Интерлюдия 2. Феликс

Сырой бурый героин изменил все.

Маленькие наркоманские лагеря были такие милые, будто кусочки Дикого Запада. Наркóты приезжали с трейлерами, разбивали лагерь где-нибудь в зарослях, а мексиканцы сооружали поблизости деревеньку из толя, чтобы держаться рядом с деньгами – авось перепадет какая мелочь. И ведь изрядно перепадало. Неплохая была жизнь. Я помню, они развешивали керосиновые фонари на палках для уличного освещения.

Я всю прикинулся федеральным агентом: оставил оружие в мотеле, джип припарковал подальше от дороги и явился в лагерь наркотов пешком. Лагерь был довольно-таки большой, и там сильно орали. Но когда я наконец вышел к нему, на расчищенной полосе перед хибарами стояли только двое – оба мексиканцы и в дрезину пьяные. Я подошел к одному и спросил: «Ке паса, омбре?»

Он мне врезал.

Зафигачил прямо в соску, из губы брызнула кровь. Врезал и второй раз, но промахнулся, второй парень заорал: «Еще один! Здесь еще один!» И тоже кинулся на меня.

Ну, они были пьяные настолько, что вломить как следует не могли, но на их вопли тут же собралось подкрепление. Со всех сторон из темноты высыпали мексиканцы, все пьяные, злющие – и все хотели меня отлупить.

Я кинулся наутек во весь дух.

И, само собой, побежал не туда – такая уж выдалась ночь. Не к джипу, а к реке. Ну, я ж потерял направление через две секунды, только ломился сквозь кусты, подальше от испанских ругательств за спиной. Я понятия не имел, куда бегу, разве что, само собой, знал: из дерьма в дерьмо еще гуще.

Но все-таки я был уже не мальчик. То бишь мне хватило ума не останавливаться и не пытаться договориться с разъяренной пьяной толпой. Знаете, есть народ, который непременно сделает из тебя фарш, если попытаешься объяснить, что ты здесь ни при чем.

Я обнаружил реку, собственно говоря, когда в нее попал. Или, скорее, промочил ноги. В тех краях Рио- Гранде шириной всего в тридцать футов. Ну, так я вылез и принялся вытряхивать воду из сапог, и тут слышу самодовольный такой голосок:

– Эй, гринго, куда направился?

Наверное, я не очень высоко подпрыгнул, потому что мгновенно развернулся бежать, но в последний момент до меня дошло: голос-то говорит по-английски, а не по-испански. Тогда я снова развернулся и впервые узрел Уильяма Чарльза Феликса, торчащего в дверях заброшенного вагона с сигаретой во рту, бутылку текилы в руке и самой гнусной самодовольной ухмылкой из всех, какие я видел в жизни. Кожаная летная куртка фасона Второй мировой, выцветшая голубая рубаха, джинсы, ковбойские сапоги и шляпа как у Хамфри Богарта.

Я ухмыльнулся во весь рот. Ну невозможно же удержаться!

Я подошел, вынул бутылку у него из руки, отхлебнул и спросил, кто же он, черт возьми, такой. Он ответил и пригласил меня внутрь. Я оперся хлюпающим сапогом на подножку и шагнул в вагон. Там было еще темней, чем снаружи.

– И что ты делаешь в этой штуке? – осведомился я.

И едва различил в темноте его ухмылку.

– То же, что и ты, свинский янки. Прячусь.

– И как эта штука прикатилась к реке? Тут же нет рельсов.

– Хороший вопрос, – забирая бутылку, констатировал он. – Вот ее спроси.

Он зажег спичку и высоко поднял ее. В вагоне имелось все для того, чтобы превратить ящик на колесах в первоклассную лачугу: от тряпок на полу и картонной мебели до кровото-чащего Иисуса на стене. Посреди всего этого сидела женщина.

Я настолько агрессивного уродства в жизни не видел.

Феликс затянул потрепанным грязным одеялом вход и после того зажег спичкой свечу.

– Кто это? – спросил я.

– Я не уверен, – ухмыльнувшись женщине, ответил он, присел на ящик и похлопал по полу рядом с собой. – Мне кажется, это ее дом.

Он указал мне на ящик рядом с собой. Я подошел и сел. Он предложил мне еще текилы. Я взял и выпил. Пришла женщина и села на указанное Феликсом место.

– Как тебя зовут? – бездумно спросил я по-английски.

– Двадцать пять долларов Америки, – сказала она и потрясла грудями.

О Боже.

Феликс забрал бутылку и залил текилу прямо себе в ухмылку.

– Мне кажется, очень интересное имя. А тебе как оно?

Мы расхохотались. Женщина тоже.

Я закурил, оперся локтями о колени и осведомился:

– А что тут, черт возьми, происходит?

– А что ты имеешь в виду? – лучась невинной радостью, спросил Феликс.

– Почему мы прячемся?

Он закурил свою сигарету, затянулся.

– Лично я прячусь затем, чтобы местные не вытрясли из меня все дерьмо. А ты?

– Да брось ты! Отчего тут такое? Почему все разозлились?

– То есть ты не слышал о сестрах Гарсиа? – странно глянув на меня, спросил Феликс.

– И что это, черт возьми, за сестры? – печально вздохнув, осведомился я.

Он рассмеялся.

– Давай отхлебнем еще по разу, и я расскажу.

Мы выпили по глотку. Затем, поразмыслив, он протянул бутылку женщине. Та чуть не оторвала бедняге руку вместе с бутылкой и немедленно присосалась к ней.

– Не беспокойся, – сказал мне Феликс, тоже наблюдавший за тем, с какой скоростью пустеет бутылка. – У меня еще две.

Затем он умолк. Женщина по-прежнему пила.

– Наверное, нам хватит, – неуверенно предположил Феликс.

Когда женщина отпила четверть содержимого, Феликс отобрал бутылку и рассказал историю сестер Гарсиа.

Одной шестнадцать, второй семнадцать, обе красивые, добрые и, что самое главное, девственницы, а это в Мексике значит до чертиков больше, чем в Техасе. Они были местной гордостью, лучом света в месте, где будущее обескураживающе похоже на прошлое. Все их любили и хвастились ими.

И вдруг они убежали в Хьюстон с двумя наркодельцами-гринго.

– Но не стоит слишком уж беспокоиться, – заверил Феликс. – Завтра никто уже не будет гоняться за нами и даже не вспомнит, отчего вчера злился.

– И с чего ты так уверен? – усомнился я.

– Такое случалось и раньше.

Снаружи зашумели. Феликс задул свечу, спрятал уголек, от которого прикуривал, одним движением отодвинул одеяло, взгляделся в темноту, прислушался.

Наши пьяные друзья. Безошибочно узнаваемый гомон разозленной толпы. И близко. Мне сделалось до ужаса неуютно в старом вагоне. Я подошел к Феликсу и прошептал:

– У меня идея.

– С удовольствием выслушаю, – процедил он через плечо.

– Давай убежим.

Он повернулся ко мне и благодушно улыбнулся.

– В нормальных условиях я бы целиком «за». Отличная идея – на первый взгляд. Но куда бежать?

– А как насчет через реку? Спрячемся на излучине до утра.

Он присел на корточки, взялся за бутылку, отхлебнул, вытер ладонью рот.

– Я знаю по меньшей мере шесть причин не делать этого. И все они связаны со змеями.

– Тогда давай сделаем, что предложишь, – рассмеявшись, сказал я.

– Ну, нас могут не найти и тут. Шансы – пятьдесят на пятьдесят, – закрывая занавеску-одеяло, заметил Феликс.

– То есть ты имеешь в виду, что нас либо найдут – либо нет, – хмурясь, прокомментировал я.

Мы выпили еще по разу. Женщина выпила вдвое больше. Мы разговаривали. Женщина молчала, но то ли пятью, то ли двенадцатью глотками позже решила сменить имя на «Пятнадцать американских долларов».

Мы еще с полчаса пили и разговаривали, и имя поменялось на «Пять американских долларов».

О тшета!

Где-то на второй бутылке, после того, как толпа пробежала рядом в третий раз, причем в опасной близости, мы с Феликсом решили заключить пакт. Конечно, мы обречены, не жилицы на этой грешной земле и прочее. Потому в последние наши минуты нужно рассказать друг другу главную правду наших жизней, – ну, как пассажиры падающего лайнера.

Так мы и выяснили, что он – торговец наркотиками, а я – из наркополиции. Сейчас забавно вспоминать, но тогда я разозлился как черт. Ну, в общем, веселья не добавило. А Феликс расхохотался, ведь, по уговору, я ничего не мог бы использовать из рассказанного. Но тогда я указал, что и ему нельзя никому рассказывать про меня. Мы замолчали и выпили еще.

А потом мы сказали в унисон: «Да ну его на хрен». И расхохотались.

Весело.

Странно то, что я вообще удивился. Ну кем еще мог быть Феликс, в такое-то время и в таком месте? Может, дело в том, что он не выглядел как наркобарыга. Что-то в нем было эдакое. Особенное.

А потом приключилось два скверных события. Первое: эта жуткая баба решила сменить имя на «Даром», выпятила передок, задрала платье и растопырилась так, что можно разглядеть кишки.

Господи, у меня аж голова закружилась.

И тут через вторую дверь зашел ее муж.

Я-то думал, что вторая дверь намертво проржавела или в этом роде. Судя по состоянию жилища, этого и следовало ожидать. Но благоверный открыл дверь одним движением руки и встал перед нами во всей красе своих шести с половиной футов и двухсот с лишним фунтов, с безголовым петухом в одной руке и окровавленным мачете – в другой.

И был самым уродливым человеком из всех, кого я видел. Хотя его жена могла бы поспорить за первое место.

– Кажется, я понимаю, как этот вагон попал к реке, – прошептал Феликс.

– Он принес его на спине, – не сводя глаз с благоверного, прошептал я.

И тогда бабища истошно завизжала, благоверный заревел, мы с Феликсом заматались, мачете засвистело в воздухе, рассыпало брызги алой куриной крови, свеча полетела на картонную мебель, вспыхнул огонь, бабища кинулась между нами и гигантом, чтобы защитить

жилище, а мы с Феликсом воспользовались моментом, чтобы самым постыдным образом улепетнуть в ночь.

Правда, Феликс задержался, чтобы прихватить текилу, а я зацепился браслетом часов за одеяло-занавеску и начисто его выдрал.

Снаружи поджидала толпа. Ну, она была не так уж близко и не сразу бы увидела нас, но все-таки. Их не обойти, а в вагоне мерцает огонь. Сейчас и бросятся.

В общем, времени у нас в обрез.

– Феликс, давай в реку! – прошипел я.

– Черта с два! – прошипел он в ответ. – Змей!

– Да трахать этих змей!

Я схватил его за руку.

Он схватил мою. На мгновение все стихло. Он посмотрел мне в глаза и удивленно заметил:

– Ну ты и изврат!

Я заржал. Несмотря на толпу поблизости. Ну и свихнутый тип, этот Феликс.

Беда с одной стороны, беда – с другой – в общем, надо что-то придумывать.

Я до сих пор не могу понять, как мы вскарабкались на то дерево в дрезину пьяные и притом все время хихикали как сумасшедшие. Ну сплошь безумный диснеевский мультик. Я весь ободрался об кору. А монстр Феликс влез на одной руке, потому что во второй держал бутылку.

Невероятно.

В общем, мы засели наверху и наблюдали за тем, как толпа встретила с монстром-благочестивым. Ну, точь-в-точь сцена из «Франкенштейна». Фонари дергаются, монстр ревет. Он вряд ли был умней, чем показался. Он принял толпу за нас и, пока его успокоили, уложил полдюжины. Потом они кое-как организовались и отправились искать нас.

Они ни разу не посмотрели вверх и даже не подошли близко, хотя, наверное, и слышали, как мы хихикаем.

Нас усердно искали. Продержали на дереве всю ночь. Мы проводили время, обмениваясь бутылкой и откровенничая, как и раньше. Ну, тупое занятие, прятаться на дереве от толпы и болтать. С другой стороны, никто не мешает.

Я рассказал ему больше про свой Вьетнам, чем кому бы то ни было, и, честно говоря, поразился его знанию и пониманию войны – и ведь он-то из поколения шестидесятых. Он много рассказал мне о том, чем занимается, я слушал и никак не мог взять в толк, чем он занимается, а главное, зачем. Он возил только марихуану, хотя ему и предлагали кучу денег за перевоз дури потяжелее. Феликс и денег-то на ней зарабатывал всего ничего.

Он даже и не курил ее. Ненавидел.

Я уже собрался спросить, какого же черта он тут делает, как разговор пошел про бурый героин, связи с Кубой и прочее. Феликс подтвердил все, что мы слышали, включая опасность для любителей вроде него. А его поставщик регулярно использовал кубинские порты и людей на кубинских радарх для того, чтобы пересекать Карибское море – во всяком случае, пока дела не перенял Фидель Кастро.

Сначала я подумал, что он без всякой задней мысли выкладывает мне столько деталей про свои занятия, ведь мы же договорились не темнить. Но затем я понял подоплеку. Он же знал, что я не нарушу обещания, и когда я наткнулся на такую инфу из других рук, то вынужден буду забыть о нем – ведь уговор.

А почему я был в этом так уверен? Ну, иногда ты просто веришь человеку, и всё. Я рассказал ему про себя. Он рассказал о себе. И это только наше дело.

Наше дерево. Наша трепотня.

Феликс собирался бросать в этом месяце. Он не хотел присоединяться и не хотел драться. Он хотел жить. И тревожился за своих партнеров.

– Они молодые, жадные и глупые. Они хотят больших денег и считают, что оттого они крутые, – объяснил он, прикрывая ладонью огонек сигареты. – И они умеют оправдывать себя.

Хотя толпа охотников за нами рассеялась, кто-то вполне мог заметить огонек наверху.

Я спросил его, что он собирается с этим делать, и он ответил, что ничего. И я ему поверил. Если только их дела не затронут его – это их дела, их жизнь.

Потом долгое время было тихо. Светало. Наши преследователи отчаялись и разошлись, мы замерзли, но потом ветер улегся и полегчало. Последнее, что я помню – как мы приканчивали бутылку и наконец взялись рассказывать анекдоты про слонов. Феликс знал тысячу анекдотов про слонов.

А потом я проснулся в Рио-Гранде. Меня больше испугало не падение в воду, но всплеск. А когда бухнешься с высоты нескольких этажей – плеск громкий. А потом холодная вода помешала мне орать, залилась в уши, понесла, но я уже чувал, с какой стороны солнце, и вспомнил о том, что мне надо плыть и как это делать. И потому я выжил, хотя запросто мог и навернуться.

В тридцати футах ниже по течению я, хватая воздух, скуля от холода и отплевываясь, снова выбрался на мексиканский берег. Я на четвереньках взобрался на него и немедленно отправился к дереву. А когда нашел, тут же заржал.

Феликс мертвецки дрых и свисал с сука, зацепившегося за кожаную куртку. В руке он по-прежнему сжимал пустую бутылку от текилы. А потом я заметил кое-что еще, умолк и задумался.

Под курткой у моего небогатого контрабандиста травкой висела очень профессионально выглядящая кобура, а в ней девятимиллиметровый браунинг. Пару раз за нашу бурную ночь я с нежностью вспоминал о моем арсенале, оставленном в мотельной комнате. Черт возьми, я бы его наверняка использовал, пусть даже и испуга ради.

А Феликс все время имел пушку при себе и, клянусь вам, не подумал пустить ее в ход.

Ни разу не подумал.

Глава 8

Джек Ворон стоял у багажной стойки в аэропорту Далласа, глазел с любовью на ряд таксофов и бренчал мелочью в кармане. Наверное, уже слишком поздно звонить людям, которым следовало бы позвонить. И по времени суток, и по времени личной карьеры. И, вообще говоря, он не хотел с ними связываться. Как там в том старом анекдоте про номер первый из троицы большого страшного вранья: «Привет, я работаю на правительство, и я пришел вам помочь»².

Но все-таки никто так не умеет находить людей, как те самые старые приятели. Видит Бог, они же никогда не подводили. Эх, кто б меня избавил от этого всего...

Он стоял в нерешительности и наблюдал за тем, как остальные брали чемоданы. Чуть поодаль стояли Даветт с Аннабель и мило щебетали, привлекая множество разнообразных взглядов. Ну, само собой. Чертовски мало женщин в возрасте Аннабель выглядят так же шикарно, как она. И вообще мало женщин выглядят так же шикарно, как Даветт. Та – просто отрада для глаз.

И тут Джек заметил странность.

– Даветт, а где твои чемоданы? – невинно осведомился он.

Невинно-то невинно, но все, абсолютно все повернулись и посмотрели на него, а Даветт покраснела до самого выреза платья. Аннабель направилась к Джеку, и на ее лице отчетливо читалось: «Заткнись!»

Джек подумал, что нарвался. Спаси Господи!

Ладно, сейчас нужно помолчать. Через минуту Аннабель обстоятельно расскажет о том, что маленькая милая девочка поссорилась с семьей. Правда, Аннабель еще не выяснила всех деталей, но скандал вышел изрядный, бедная девочка в отчаянии, ей так нужна история для газеты, а мы-то знаем, что ее не напечатают. Ну, Джек, не в этом же дело! А дело в том, что она одна, ее некому поддержать, семья далеко, и пусть бедняжка останется пока с нами, делает репортерскую работу. Ведь она, конечно же, прелестный репортер, такая умница, а что потом – посмотрим и решим.

Пожалуйста, Джек.

Ради меня.

Джек ненавидел все это потрохами. И девчонку, и душещипательные рассказы, и ответственность, и тон Аннабель. Но что, черт возьми, тут поделаешь? Аннабель еще никогда ни в ком не ошибалась, и вообще, тут и деваться некуда. Ох, как он это все ненавидел.

Он посмотрел в ее умоляющие глаза. Он был на фут выше и на сотню фунтов тяжелее, и знал, что когда-нибудь дорастет до того, чтобы возразить ей.

А пока он кивнул и уныло поволок свою задницу в сторону такси.

Дерьмо.

Даветт сжалась, когда он проходил мимо, а затем спросила у Аннабель:

– Всё в порядке?

– Дорогая, конечно.

– Он согласился? – уже спокойней спросила Даветт.

Аннабель остановилась, посмотрела на девушку и рассмеялась.

– Милая моя, – сказала она и потрепала щеку Даветт, – неужто ты думаешь, что я его спрашивала?

---

² В оригинале: «Троица самого большого вранья: чек отправлен по почте; конечно, я тебя еще уважаю; я работаю на правительство и пришел вам помочь» (прим. пер.).

Юному парнишке на ресепшене «Адольфус-отеля», обновленного роскошного дворца в центре Далласа, в эту ночь повезло не больше чем Ворону. Аннабель было ужасно жаль того, что они не забронировали номера, но ведь Команда всегда останавливалась в «Адольфус-отеле», это практически дом, а разве дома нужно что-то бронировать? Ха-ха.

Юный парнишка на ресепшене и сам не понял, как у команды оказались два соседних люкса и у Даветт одноместный номер на этом же этаже.

Все умирали от голода и потому заказали... стоп, а сколько нас тут? Шесть? Нет, восемь бифштексов и больших порций картошки со всеми приправами, и овощной салат с крутонами, и спаржу, и по выпивке на всех, нет, выпивку повторите дважды, и полдюжины бутылок красного «Мондави». Да, восемь стейков и шесть бутылок. Да, всего шесть. Мы же вам не какие-нибудь алкоголики. Да, так. Спасибо.

Даветт заново покорила всю Команду тем, что дважды заснула. Первый раз – после первой дозы выпивки и второй раз прямо за обеденным столом. Аннабель закудаhtала, засуетилась, организовала мужчин и те отнесли бедняжку в ее комнату. Ох, несчастная изголодалась, устала, и... нет, Вишневый Кот, большое спасибо, я раздону ее сама.

На следующее утро Джек объявил выходной. Выходной не распространялся на Карла Джоплина, занятого устройством мастерской и приготовлениями к выделке серебряных пуль, и на Аннабель, которой предстояло орать на перевозчиков барахла и временных слуг, по крайней мере в светлое время суток. Остальные могли развлекаться.

И они развлекались. Джек, Кот, Адам и Даветт пару недель пользовались Далласом по полной. Вся Команда собиралась вечером за обедом, но в остальное время каждый сходил с ума по-своему. Эти две недели заполнились кино, парками развлечений, картингом, боулингом, гольфом – и теннисом. Команда играла каждый день и подолгу, жаростно, чтобы оставаться в форме. Они исполински полдничали, по три часа подряд, и за столько же сотен долларов. Они нагнали чудовищный счет в отеле (все по-прежнему спали там), оплатили, нагнали еще один такой же, оплатили и его.

Тем временем особняк приходил в готовность. Из Калифорнии прибыли машины – как раз для того, чтобы Джек попался дорожному патрулю. Джек стоял и кипел от ярости, пока двадцатилетний полицейский сурово, но справедливо отчитывал за езду в три часа ночи по кладбищу в поисках места для завтрашнего пикника. Увы, Джеку пришлось возобновить старые знакомства среди городской верхушки ради этих чертовых пикников. Лейтенант полиции знал, кто такой Ворон и чем занимается, и потому снял с крючка, но прочитал лекцию еще суровее патрульного. Джек заткнулся, принял все как должное и назавтра нанял лимузин с шофером.

А тем временем все потихоньку вернулись к привычным занятиям. Когда обнаружилось, что у Даветт лишь то, что на ней, они вместе с Аннабель отправились за покупками. Кот ухлестывал за бабами, отловил нескольких, а по меньшей мере у двух даже оказалось чувство юмора. Адам каждое утро ходил на службу.

А Джек таки позвонил в столицу.

Они удивились его появлению, но были не то чтобы слишком холодны, пообещали заняться, позвонили через две недели и дали адрес. Джек поблагодарил, повесил трубку, проверил адрес в телефонной книге и удовлетворенно кивнул.

Целых две недели никто и словом не обмолвился о работе. Никто не произнес слово «вампир». Джек даже перестал вздрагивать от телефонных звонков.

А зря.

Серебро пришло из Рима на адрес местного прихода. Епископ был новичком, не знавшим ни Команды Ворона, ни, если уж на то пошло, своих прихожан. Помощник убедил епископа в том, что тип, получающий посылки из Рима по дипломатическим каналам, наверняка важная

и стоящая внимания шишка, и потому епископ скрепя сердце пригласил Ворона с Командой разделить изобильный ужин.

За четверть часа обеда Команда узнала о епископе все: и его холодность, и высокомерие, и что он лучше его паствы, культурнее, разумно благочестивее и еще, как бы это сказать... аристократичнее, да.

Епископ оказался идиотом – и достался в пищу Карлу с Котом. Эта парочка с истым удовольствием выводила епископа, прикидываясь, что не замечают, в какое исступление приводят бедолагу их жесты и делано-простодушные реплики. Парочка дошла уже до трехслойных похабств, когда епископу наконец хватило.

Он встал и резво покинул комнату, попутно приказав Адаму следовать за ним.

Адам любил церковь – глубоко и сильно, и как организацию, и как инструмент отправления Божьей воли. Адам любил и священников, считал их чудесным собранием удивительных людей, лучших из лучших на этой планете. И много раз за свою короткую карьеру Адам чувствовал, нет, несомненно, видел отражение Бога в глазах простых священников.

Но этот епископ оказался сущим ослом. Потому Адам проигнорировал сухое требование объяснений и молча положил на стол привезенный из Ватикана футляр.

Фыркнув и скривившись, епископ взялся читать. А дочитав, побледнел.

Это стоило видеть.

Внезапно без малого чудесным образом все наладилось. Если епископ и его клир могут сделать хоть что-то – охотно сделают, к вящей пользе. И с превеликим удовольствием.

И замечательно. И какая приятная встреча.

Они пожали руки и расстались.

Хоть Кот и развлекался от души, он не забывал о работе: присматривать за Джеком Вороним. Конечно, Джека все любили и каждый заботился о нем по-своему, но с ним, Котом, Джек был особо дружен, и все это знали. Коту казалось странным то, что все знали и, главное, одобряли... и что отношение друзей может показаться настолько важным. Но оно было именно таким.

Пока.

Потому что Вишневый Кот не сомневался: рано или поздно явится кто-нибудь с самого верха, мелкий небесный посыльный на побегушках у кармы, и объявит об ужасной ошибке. Он скажет, что, мол, простите, мистер Катлин, но вас здесь не должно быть. По ошибке небесной бухгалтерии, вашу душу поместили в раздел «Герои», а она принадлежит разделу «Интеллигенция». Мистер Катлин, вы же сами чувствуете, правда? Вы едва ли похожи на крестоносца. Вам следовало сделаться кинокритиком.

Конечно, этого не избежишь. Но пока такого не случилось, можно оставаться, лепиться к Команде. Не чудо ли? Он, Кот, пронырливый умник и убежденный трус, прибил к титанам и решил плестись за ними, пока не утащат прочь – чтоб только быть рядом и видеть.

Лишь бы небесная канцелярия не торопилась.

Но какое странное выражение на физиономии вождя титанов. Он даже не подключился к игре «выведи епископа». Он даже и не заметил ее. Определенно, что-то здесь нечисто. Закулисные дела. То бишь то, что Кот профессионально вынюхивает.

Погодите-ка, ага! Мексика – и история про того забавного парня-контрабандиста. Как его звали? Фри... Нет, Феликс. Будто кот Феликс. Хм-м, и оттого Джек так задумался? Ну, посмотрим...

И когда Джек начнет рассказывать нам про это дело? Кстати, а мы ведь могли бы и помочь...

Но момент затронуть тему все не представлялся. Джек направил лимузин к Гринвиль-авеню, покатил мимо «Американской модели», «Нью-Йорка», «Чикаго», к «Ла Марина дель Рей», вдоль «Променада холостяков». Шесть миль напролет девяносто процентов всей

постройки отведено под ночную жизнь. Повсюду бары или рестораны с барами – все подают бифштексы и омаров, и нелепые коктейли с еще нелепейшими названиями, придуманными так, чтобы звучать неприлично при невнятном пьяном выговоре, – и всюду полно слабо одетых юных леди, поголовно подхватывающих генитальный герпес от грязных туалетных сидений.

Кот был там как рыба в воде, причем большая и очень уверенная рыба. Женщины обожали его блондинистость, лукавую усмешку – в общем, все его пять футов шесть дюймов. Обожали даже дылды, и это было хорошо. На кое-кого из них стоило вскарабкаться.

Но теперь Джек завез их в очень специфическое место. Во-первых, название: «Салун Войны муравьев». Во-вторых, клиенты. Никаких цветастых коктейликов с трубочками. Архетипическое место, куда приходят после работы потные пропыленные мужики, чтобы поговорить и серьезно выпить. И, похоже, хозяева не слишком хотели обзаводиться новыми клиентами, даже шестью хорошо упакованными зараз. Они сели за стол в углу, официантка быстро подошла, вежливо, дельно и сноровисто приняла заказ, но Кот чувствовал: ей наплевать, вернутся новые гости сюда или нет, подохнут они или уйдут довольные. Приятное в общем-то место. По крайней мере, там ощущался странный уют.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.